

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВАЛЕНТИН ДЛАВРОВ

РУССКАЯ СИЛА
ГРАФА
СОКОЛОВА

Граф Соколов

Валентин Лавров

Русская сила графа Соколова

«Центрполиграф»

1999

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

Лавров В. В.

Русская сила графа Соколова / В. В. Лавров — «Центрполиграф»,
1999 — (Граф Соколов)

ISBN 978-5-227-07908-4

Гений сыска граф Соколов стал воистину национальным героем, образцом для подражания. В первой части книги — «Русская сила графа Соколова» — он попадает в совершенно невероятные ситуации. Но благодаря хладнокровию и исключительной физической силе с честью выходит из самых трудных положений. Вторая часть книги — «Русская сила» — содержит захватывающие истории о людях феноменальной силы.

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

ISBN 978-5-227-07908-4

© Лавров В. В., 1999
© Центрполиграф, 1999

Содержание

Предисловие	5
Русская сила графа Соколова	6
Интриганы	7
Каверзы провинциала	31
Погоня в ночи	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Валентин Лавров

Русская сила графа Соколова

*Замечательному человеку,
выдающемуся ученому-медику, академику,
профессору Виктору Михайловичу РОШКОВСКОМУ
посвящается*

Предисловие

Волшебное очарование богатырством

Великий Л. Н. Толстой закончил работу над «Войной и миром» в 1868 году. После этого он долго не принимался ни за какое литературное произведение. Но в начале 1870 года у писателя родилось желание писать роман, героями которого были бы люди, одаренные характерами русских богатырей. Лев Николаевич даже сделал некоторые заметки к роману, рукописи которых сохранились.

Замысел, полагаю, весьма соблазнительный. Ведь именно поступки былинных героев, как и вообще людей могучих, приводили Толстого в восторг.

По разным причинам книга эта написана не была. А жаль! Ведь нет нужды говорить, что книга эта была бы прекрасной.

Но по странному совпадению именно летом 1870 года родился замечательный русский богатырь – граф Аполлинарий Соколов, который стал героем нескольких моих книг, как и этой, которую вы, дорогой читатель, держите сейчас в руках.

Пожалуй, нет нужды объяснять, почему к очередным приключениям знаменитого графа Соколова я подверстал свою книгу «Русская сила». Они обе написаны на историческом материале, их герои – легендарные богатыри.

Полагаю, что эти книги полезно дополняют друг друга.

Во всяком случае, хочется верить: «Русская сила графа Соколова», как и предыдущие мои книги, найдет самый широкий круг читателей. Более того, поможет многим людям обрести здоровый образ жизни и богатырскую силу.

Мне неоднократно приходилось слышать от различных спортсменов – от хоккеистов и футболистов до боксеров и борцов, – что они используют в своей подготовке упражнения из арсенала героев этой книги.

Надеюсь, что, раскрыв эту книгу, вы ее прочтете на одном дыхании. И сколько бы ни было вам лет, пусть эти страницы разбудят ваше желание стать сильнее, крепче здоровьем, хладнокровнее и мужественнее.

В любом возрасте забота о своем здоровье, о своей умственной, нравственной и физической силе – дело первостатейной важности. Любопытный читатель найдет для себя немало любопытного не только о знаменитых людях, отличавшихся фантастической силой, но узнает много нового о тех истоках, откуда вышла современная тяжелая атлетика.

Русская сила графа Соколова

Исторический детектив

Интриганы

Эта нашумевшая в свое время история началась для графа Соколова памятным утром 8 апреля 1912 года.

На Большой Ордынке царило небывалое многолюдье. Здесь, под звон колоколов, заканчивалась торжественная служба. Освящали новый храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы при Марфо-Мариинской обители. Парчовые облачения духовных иерархов, военные мундиры с золотом эполет и орденов, важные сановники, роскошные дамы – все самое знатное и влиятельное Москвы и Петербурга собралось во дворе святой обители.

В центре этих событий была настоятельница обители – стройная сорокавосемилетняя великая княгиня Елизавета Федоровна с красивым величественным лицом. Она, вопреки ложному мнению многих, приняла не монашеский постриг, но обет послушания. Всех поражало ее элегантное одеяние – длинное платье из грубой шерсти светло-жемчужного цвета, белый льняной платок, охватывавший лицо, – апостольник, большое белоснежное покрывало, спадавшее строгими складками, а на груди – кипарисовый восьмиконечный крест. По Москве ходил слух, что эскизы ее изысканного облачения выполнил знаменитый художник Михаил Нестеров.

Для людей близких Елизавета Федоровна была просто Эллой, по рождению принцессой Гессен-Дармштадтской, вдовой московского губернатора великого князя Сергея Александровича, убитого террористом Каляевым.

Минуло ровно два года, как состоялось посвящение великой княгини в настоятельницы устроенной ею обители милосердия. И вот новое торжество.

Среди самых почетных гостей был и граф Соколов. Именно к нему во время службы приблизилась девушка – одна из восемнадцати, тоже принявших обет служения, – и сообщила, что Елизавета Федоровна после чая просит графа заглянуть в ее келью:

– Есть приватный, весьма важный разговор. Разговор состоялся и весьма удивил сыщика. Прощаясь, он заверил:

– Обещаю вам, Елизавета Федоровна, что сделаю все возможное, все, что в силах моих. Своих слов граф на ветер не бросал.

Приглашение

Ближе к вечеру в квартире Соколова раздался телефонный звонок. Гений сыска узнал голос московского губернатора Джунковского. Он был давним приятелем Соколова и однополчанином. Джунковский с улыбкой сказал:

– Давно мы хотим собраться вместе, отдохнуть за столом. Жизнь уходит, а мечта наша бледнеет...

Соколов немного помедлил, раздумывая. Он сказал:

– Нынче вечером я еду в Мытищи, в свою усадьбу... Владимир Федорович, приезжай, пожалуйста! Отдохнем в тиши.

Джунковский обрадовался:

– Вот и хорошо! Я приеду к тебе завтра к ужину. Только давай без оркестра и ливрейных слуг, попросту.

* * *

Владимир Федорович Джунковский – личность замечательная. Его отец был генерал-майором. Джунковский-младший получил образование в весьма привилегированном

Пажеском корпусе. Служил в лейб-гвардии Преображенском полку (как некогда и Соколов). С декабря 1891 года был зачислен адъютантом московского генерал-губернатора Сергея Александровича. С августа 1908 года назначен московским губернатором.

Джунковский оказался на редкость толковым и трудолюбивым организатором, что на нашей земле случается не часто.

Его отношение к Соколову было самым сердечным, даже восторженным. Однако на сей раз визит к другу имел некую подоплеку...

Падение нравов

Знаменитый на всю Россию гений сыска граф Соколов сидел на террасе своей мытищинской усадьбы. Вечерело. Ясное солнце медленно садилось за дальним лесом. Его лучи преломлялись в цветных стеклах и фантастическими узорами ложились на белоснежную скатерть.

Джунковский прикатил на служебном авто. Губернатор был на редкость обаятельным человеком – крепкий в плечах, со спокойным и мужественным лицом, которое весьма красили пышные усы.

Прежде чем приступить к делу, говорили о вещах злободневных, но отвлеченных: о большевистской провокации на Ленских приисках, закончившейся грабежами, стрельбой и трупами; об очередном скандале в Государственной думе, который устроил известный Марков-2, крикнувший с трибуны: «Русский народ в его массе не желает стать рабом иудейского паразитного племени», за что был исключен на пятнадцать заседаний; о печальном известии – гибели «Титаника», шедшего в Нью-Йорк. Одной из жертв стал знаменитый скрипач Вениамин Казарин, в свое время помогавший раскрыть в Саратове гнездо террористов.

– И еще одна грустная новость, – вздохнул Джунковский и перекрестился. – Нынче утром скончался фон Вендрих.

– Тот самый, что был гласным Думы и твоим товарищем по должности председателя попечительства народной трезвости?

– Да, его кончина меня глубоко огорчила.

– Когда похороны?

– Послезавтра на Алексеевском кладбище.

– Я уважал Николая Карловича, обязательно приду проводить его. Прямо несчастные времена настали...

Джунковский долгим взором посмотрел на Соколова и согласно кивнул:

– У меня тоже с некоторых пор возникло ощущение: словно движется что-то страшное и неотвратимое, что сомнет нас, отнимет жизни и наши, и близких. Так все переменялось в мире с началом нынешнего столетия! Я прихожу в ужас при виде того, как русский человек бежит от Христа, как колеблется Россия.

Соколов согласился:

– Народ перестал бояться греха.

– И то дело, распутать которое тебя просит Элла, – еще одно подтверждение падения нравов. Подобное преступление еще совсем недавно было невысказано... Это ведь я советовал Элле обратиться к тебе.

Соколов согласно кивнул:

– Да, я свое обещание выполню – займусь этим безобразным преступлением.

Джунковский вздохнул:

– Я дважды вызывал с докладом о ходе расследования казанского полицмейстера Васильева. Человек он вроде толковый, дело вроде бы нехитрое, но оно у них совсем застопорилось.

– Расскажи, Владимир Федорович, как все произошло?

Джунковский доел паровую осетрину, утер уста матерчатой салфеткой и, малыми глотками отпивая янтарное «Абрау-Дюрсо», начал излагать суть возмутительного происшествия.

Экскурс в глубь веков

– В семнадцати верстах к северу от Казани расположился Седьмиозерский монастырь. Тебе не приходилось бывать в сем удивительном уголке, Аполлинарий Николаевич?

– Господь не довел!

– Представь себе: гористое место покрыто прекрасными лесами, чистой воды прохладные озера, множество певчих птиц – рай, да и только! Лет триста назад инок Евфимий, пришедший из Устюга, водрузил тут крест, поставил себе келью и повел отшельническую жизнь.

– Как многократно случалось, к нему потянулся народ?

– Да, Аполлинарий Николаевич, прослышав о его строгой жизни, о нестяжании, о чудесах исцеления и прочих духовных достоинствах отшельника, сюда потянулись многие, искавшие спасения от грехов мира. Так возник храм во имя Вознесения Христова и святого мученика Иоанна Белградского. Вблизи храма поставили многочисленные кельи. В 1646 году основали Седьмиозерский Богородицкий монастырь. Сюда потекли богатые пожертвования. Возле монастыря возникла и слобода Седьмиозерная.

Соколов вопросительно поднял бровь:

– Весь этот любопытный исторический экскурс имеет отношение к нашей истории?

– Безусловно! Без него не понять всей трагедии случившегося. Дело в том, что Евфимий пожертвовал в монастырь чудотворную икону Смоленской Божией Матери, которую он некогда принес из Устюга. Пред иконою по молитвам стали свершаться удивительные чудеса: прозревали слепые, вставляли со своих одров параличные, дурного поведения люди избавлялись от пьянства и других пороков, благодать поселялась в людских сердцах. Множество православного народа стало притекать в обитель, многократно возросли пожертвования. Но особую славу и всеобщее поклонение в масштабах, пожалуй, всей России седьмиозерская икона Смоленской Божией Матери получила в 1654 году.

Соколов обладал прекрасной памятью и был большим эрудитом. Он заметил:

– Как же, тогда посетила Россию страшная моровая язва. Были опустошены целые города и села.

– Верно! Появилась эпидемия и в Казани. Она истребила – страшно сказать! – сорок восемь тысяч жителей. Тогда, по совершении всенощного бдения и литургии, была поднята икона Смоленской Божией Матери. Возле нынешнего Кизического монастыря святыня была встречена гражданами, со слезами отчаяния молившими Владычицу о предстательстве за них. Икона была обнесена вокруг стен Казани. Моровая язва тут же утихла. Икона стала почитаться чудотворной. Уже в 1658 году здесь возник храм во имя этой иконы. Казанский митрополит Лаврентий II установил на вечные времена ежегодное принесение чудотворной иконы из Седьмиозерской пустыни в Казань и свершение крестного хода. В течение последующих веков чудотворная икона Смоленской Божией Матери творила немало замечательных чудес, стала предметом всеобщего поклонения. Из самых отдаленных уголков России к ней на поклон стекались паломники.

Соколов, с интересом слушавший эту историю, печально покачал головой:

– И вот теперь эта почитаемая святыня исчезла...

– Это кощунственное воровство произвело на прихожан, как и вообще на всех православных людей, самое удручающее впечатление. Прошли слухи, что это предвещает конец света и прочие ужасы. Среди простого народа начались волнения, многие перестали работать и ждут конца света. Вот почему, мой гениальный друг, прошу тебя еще раз – отыщи пропажу!

– На свете нет такого преступления, которое нельзя было бы раскрыть! – Соколов повторил мысль, в истинности которой не сомневался. – Давай, Владимир Федорович, прогуляемся перед чаем.

Версии

Накинув шинели, приятели вышли в старинный, хранивший следы былого великолепия парк: мраморные статуи возле пруда, барская усадьба, широкая аллея, вдоль которой стояли столетние сосны.

На западе только что село в огненных тучках солнце. На востоке небо мертвело, краски делались все гуще. Недвижный воздух заметно холодел.

Мягко пахло мокрой опавшей хвоей и сырой землей. Возле старинной барской усадьбы сторож Буня, в прошлом знаменитый на всю Россию взломщик сейфов, обновил клумбы – они теперь выделялись правильными кругами и прямоугольниками возделанной земли.

Где-то заржала лошадь, дружно заблеяли и враз смолкли овцы, далеко в деревне лаяли собаки, и звуки в вечерней тишине разносились на всю округу.

Соколов с легкой иронией спросил:

– Говоришь, этот Васильев из Казани – толковый сыщик? Тогда почему он не сумел отыскать воров?

Джунковский шутливо ответил:

– Если бы отыскали, то нынче великая княгиня не затрудняла бы своей просьбой тебя. Искали несколько месяцев, ведь кража произошла в начале января – на Крещение.

– Не понимаю, как можно не поймать похитителя? Наверняка оставил следы...

– Сторож клянется, что, когда закрывал церковь на ночь, икона оставалась на своем месте. Но утром ее уже не было, а замок открыли отмычкой. По некоторым сведениям, похитили икону старообрядцы. Якобы она писана в пятнадцатом веке.

Соколов, заложив руки за спину, медленно шел по упругой, засыпанной хвойными иглами дорожке. Он задумчиво сказал:

– Жаль, что после похищения прошло так много времени. Уверен, побывай мы с тобой на месте преступления сразу после похищения, икона уже давно была бы на своем месте. Да что о том теперь говорить! Важнее выяснить: с какой целью похищена святыня? А если старообрядцы тут ни при чем?

Джунковский уклончиво ответил:

– Случается, что опустившиеся типы совершают кражи из церквей. Они вскрывают кружки для пожертвований, крадут свечи, богослужебные книги. Тут причина ясна – корысть. Но куда они пойдут с чудотворной, знаменитой на всю Россию иконой?

Соколов решительно сказал:

– Не исключаю, что икону выкрали по заказу. Ты сам сказал: про икону Божией Матери из Седьмиозерска идет слава как недуги исцеляющую. Представь: в богатом доме тяжело болеет молодая, горячо любимая жена. Врачи сказали, что долго ей не вытянуть. Остается надеяться на чудо. Хозяин без особых хлопот находит человека, готового за двести или триста рублей похитить и доставить заказчику икону. Что тот и делает. И сейчас наводчик стоит на коленях перед чудотворной, замаливает свой грех и просит исцеления любимому человеку.

– Сомневаюсь! – Джунковский помотал головой. – В подобных случаях болящих и ослабленных привозят к иконе, ставят свечи, совершают службы о здравии.

– А если больной находится в Харькове, Киеве, Ревеле?

– Но во многих монастырях есть особо почитаемые, чудотворные иконы.

Соколов тут же возразил:

– А если организатор преступления родился в Казани и лишь той святыне доверяет особенно?

– Не исключаю, милый граф! Как одна из версий – прекрасно.

– Но готов предложить и другие. Например, икону похитил религиозный фанатик. Или враг православия. Или...

Джунковский рассмеялся:

– Одним словом, Аполлинарий Николаевич, версий много. Но ты, мой друг, прав: время ушло, так что найти будет очень трудно. Тебе следует ехать в Казань без промедления.

Предрассудки

Еще в Москве Соколов познакомился с новейшим путеводителем по Казани. Поэтому, сойдя с поезда в этом древнем городе, он приказал извозчику – старому, почерневшему от солнца и ветров одноглазому татарину:

– Вези на Воскресенскую улицу, в гостиницу «Европейская»!

Татарин смахнул ладонью пыль с кожаной облезлой скамейки и прищурил единственное око:

– Зор эз ба? Большой дом на Воскресенской? Это номера «Европейский».

Так Соколов узнал, что до Казани еще не дошли мудреные слова «гостиница», «отель». Здесь все называли «номерами».

Гостиница оказалась отвратительной. Заплатив за люкс три рубля, Соколов получил две комнаты с аляповатой мебелью, спальню, где стояла широченная кровать под немислимым балдахином, и душ.

Приняв душ и побрившись, Соколов немедленно отправился к местному полицейскому начальству.

Полицейстером оказался веселый красавец тамбур-мажорного роста Алексей Иванович Васильев.

Он влюбленно смотрел на Соколова, долго тряс его руку, приговаривая:

– Такая честь, такая радость! Не верится, самого Соколова вижу. Мне Джунковский о вас много говорил. Такая честь...

Сыщику сразу бросилась в глаза особенность: руки полицмейстера были грубыми, под ногтями въелась какая-то чернота, какая бывает у паровозных машинистов.

Когда Соколов объяснил цель своего приезда, лицо полицмейстера сделалось печально-задумчивым.

– Говорите, государь возмущен? – Пожал плечами. – Не понимаю! Какие-то сплошные, право, предрассудки. В наш просвещенный век – и нате вам, шум из-за чудотворной.

Как и ожидал Соколов, местные пинкертоны никаких серьезных следственных действий не предприняли. Даже за церковным сторожем не установили наблюдения.

Соколов долго слушал полицмейстера, важно рассуждавшего о «народной серости» и «диких предрассудках». Терпение его наконец иссякло. Гений сыска задумчиво покачал головой:

– Ты, Алексей Иванович, хоть имеешь чин седьмого класса – надворного советника, но напоминаешь мне наивного младенца. Кому нужны твои рассуждения? Государю, Елизавете Федоровне? Или тысячам православных, искренне верующих людей, к которым, кстати, я и себя причисляю? Я приехал с единственной целью: отыскать святыню. А ты толкуешь – «серые предрассудки».

Полицейстер поерзал в кресле, глубоко вздохнул:

– Виноват, значения не придали! Думали: «Икон много, подумаешь, одна пропала!» А тут – до государя дошло, в газетах пишут. Тарарам какой-то! Впрочем, мы кое-что сделали.

Вот, извольте взглянуть, Аполлинарий Николаевич, дело о похищении завели. – Полицмейстер влез в громадный сейф, достал папку. – Извольте видеть, кроме протокола допроса Фаддея Огрызкова...

– Кто такой?

– Сторож! Вот, кроме протокола этого изъяли и сохранили вещественное доказательство – замок, вскрытый отмычкой.

– Откуда такая уверенность – отмычка?

– А вот извольте взглянуть, в замке находится бородка. Это от воровской отмычки! А вот и фотографии места преступления – шесть штук.

Предсказания

Соколов внимательно оглядел «вещественные доказательства» и решительно заявил:

– Никакого взлома не было.

Полицмейстер Васильев ничего не возразил, лишь горестно вздохнул, заламывая длинные пальцы:

– Как это мы недоглядели? Нет, право, это ужасно. Соколов усмехнулся:

– А почему не споришь со мной? Обычно начинают возражать, приводить «доказательства» своей правоты.

Полицмейстер завел глаза к лепному потолку, на котором висела богатая золоченая люстра:

– С гением сыска может спорить только ограниченный человек... Я очень уважаю ваш талант, Аполлинарий Николаевич. Извольте видеть, у нас редко стоящие преступления совершаются, вот благодущие и появляется. Виноват, право!

Соколов рассмеялся:

– Нет, Алексей Иванович, ты точно – малое дитя в мундире! Мы сейчас поедем арестовывать и допрашивать сторожа Огрызкова. Возьми с собой писаря, двух полицейских для проведения обыска.

– Да, да! Фотографа тоже взять?

– Если только тебя сфотографировать на фоне церкви с замком в руках: фото повешишь на стене, дабы впредь не допускать подобных оплошностей. Сегодня фотограф не нужен. Нужны понятия.

– Этих найдем на месте. А ведь о стороже самые лестные отзывы: пьет лишь по большим праздникам, ни в чем дурном не замечен.

Соколов сказал:

– Этот вор по случаю. Кому-то очень понадобилась именно эта икона, сунули приличные деньги, соблазнили сторожа. И еще, Алексей Иванович, могу сделать два предсказания. Первое из области психологии: сторож пространно повторит свои показания почти слово в слово. Будет говорить больше, чем ему могло быть известно. В результате сам запутается в своих показаниях. И второе: сторож последние дни тратил большие деньги, приобретал пустяковые, ненужные вещи. Это станет серьезными уликами.

Полицмейстер мотнул головой, дескать, скоро убедимся: гений сыска Соколов всегда прав!

Эх, дорожка!..

Когда вышли на улицу, полицмейстер вдруг сказал:

– Аполлинарий Николаевич, подождите минуту! Сейчас заведу... – И он отправился в большой хозяйственный двор, принадлежавший полиции и примыкавший к ее зданию.

Через минуту-другую Соколов понял причину, по какой руки полицеймейстера имели пролетарский вид. Сначала в глубине двора раздалось жуткое тарыхтение, потом громовые звуки, напоминавшие кашель больного бронхитом. И вот из ворот выкатился изящный автомобиль, покрашенный в два цвета: смолянисто-черный и слоновой кости. За руль, натянув на лицо очки и шлем, держался сам... полицеймейстер. Рядом с ним на одном сиденье, обхватив друг друга, сидели какой-то скромный чиновник с облезлым портфелем, оказавшийся писарем, и средних лет с выгоревшими бровями полицейский. Еще один полицейский, с торчащими как палка усищами, стоял на подножке, вцепившись в дверцу:

Верх, по случаю хорошей погоды, был опущен. Авто лихо подрулило к Соколову. Стоявший на подножке полицейский, видимо загодя наученный, соскочил на землю и с торжественной подобострастностью распахнул перед гением сыска заднюю дверцу.

– Милости просим! – захлопнул за Соколовым дверцу и хотел было вновь забраться на подножку.

Соколов воспротивился:

– Садись рядом со мной!

Полицеймейстер поморщился:

– Народ мне избалуете, Аполлинарий Николаевич! И с подножки не свалится, они у меня привычные. Так говорю, шельмецы?

– Так точно, ваше благородие! – дружно загалдели полицейские.

... Через мгновение впавший в кураж полицеймейстер, желая показать свое бесстрашие, гнал по пыльной казанской дороге, пугая кур и прохожих, которые едва успевали выскакать из-под колес. Стаи собак с бешеным лаем бросались на невиданное железное чудовище. Автомобиль аэропланом взлетал на ухабах. Полицеймейстер, рискуя откусить себе язык, поворачивал голову и кричал Соколову:

– Американский! Марки «Студебеккер». Три тысячи пятьсот рублей отдал. Шесть цилиндров – сила! Стартер самый совершенный – электрический. Шофера не держу, сам люблю водить. – Резко крутанул руль, погрозил вслед какой-то старухе кулаком: – Куда, старая ведьма, лезешь! – и вновь добавил газу.

Семнадцать верст по ухабистой дороге пролетели молниеносно – минут за двадцать.

Тормоза издали скрежещущий звук, какой, возможно, издают в аду грешники, грызущие раскаленные сковороды, и автомобиль остановился возле кирпичных арочных ворот.

Писарь вывалился на дорогу, его мутило. Извиняющимся тоном сказал:

– Словно в бурю по морю, уболтало.

– Это у тебя, Расщупкин, малокровие! – наставительно заметил полицеймейстер.

Тут же собралась ватага мальчишек. Усатый полицейский был оставлен для охраны транспортного средства. Он погрозил мальчишкам пальцем:

– Коли кто дотронется до авто, в полицию заберу! Угроза была страшной – мальчишки на минуту притихли.

Прохаря и прочее богатство

Процессия вошла в ворота и у старинной невысокой церкви остановилась. Полицеймейстер сказал:

– Извольте видеть, Аполлинарий Николаевич, замок, в котором осталась бородка от отмычки, висел вот тут. Сторож нашел его открытым. А, вот он, прохиндей, сам явился не запылится. Давай, Фаддей Огрызков, рассказывай господину полковнику, как дело было!

Соколов увидел крестьянского вида тщедушного мужичка, с жидкой, неопределенного цвета бородкой, выцветшими хитрющими глазками, в синей навывпуск шелковой рубахе. На

коротких ногах блестели новой кожей сапоги. Мужичок содрал с головы круглую поярковую шляпу, завел глаза к небу, угодливо, словно по писаному, затараторил:

– Ваши благородия, извольте доложить всю истинную правду. – Мужичок помял в руках шляпу, набрал в легкие воздуха и быстро продолжил: – Вся история случая, когда жулики совершили взлом, началась на Крещение с обнаружения мною скрытого замка. Утром, пробудившись, простите за извинение, по собственной нужде, я пошел взглянуть на порядок. Вдруг себе замечаю: замок валяется возле дверей, а двери оные в храм приоткрыты. У нас и до того были беспокойные слухи, что завелись жулики. Я, сейчас умереть, бросился, как положено, проверить: зачем замок сломан, а двери открыты? Как вошел в храм, так дух и замер: там повсюду в изобилии на полу валяются священные книги и иконы, со стен снятые. Вот чтобы сейчас мне умереть, так и валяются. Хорошо хоть, что стекла на киотах сохранились и все в целости. Думаю себе: что-то здесь нехорошо, кто-то, должно быть, набезобразил. И побежал я заявлять... А что чудотворную утащили эти жулики, чтобы пропасть им, это я уже позже прознал, когда следствие приехало и все иконы по местам развесили. А чудотворной на месте нет как нет. Все обшарили, чтоб сейчас мне умереть, а чудотворной не обнаружили. Это фулюганы безобразили, вот и припрятали. Надоть еще бы поискать, тогда, глядишь, и найдем.

Соколов сочувственно покачал головой:

– И впрямь несчастье! За такие, Фаддей, переживания тебе платят, поди, гроши?

Сторож обрадованно затрещал:

– Это вы, ваше благородие, человек умный и потому понимать можете. Служу денно и ночью. И убери, и протри, и подмети, да еще от жулья охраняй, и всего за три рубли в месяц. Одна эксплуатация личности!

– А прохаря хорошие оторвал! Не жмут?

Сторож выставил ногу, покрутил ей и с некоторой гордостью произнес:

– Сапоги самый раз, со скрипом и сшиты по ноге!

Соколов прищурил глаз:

– Небось пятерку содрали?

Сторож замахал руками:

– «Пятерку»! За пятерку нынче и чихнуть не пожелают. Восемь рубликов не хотите?

– А еще чего приобрел? Ну, рубаху, это я сам вижу. А покрупней? Лошадку, скажем?

Сторож вдруг что-то смекнул, заметно побледнел, губы затряслись.

– Не-ет, лошадку не...

– Да и то, ты не пашешь, не жнешь – деньжата и без того водятся.

Вокруг стал собираться народ, шедший на богомолье. Соколов сказал:

– Что же ты нас на вольном ветре держишь? Приглашай в дом...

– Извольте, ваши благородия, милости прошу...

Около порога был набросан какой-то мусор. В сенях валялось пустое ведро, чугунок, мешок, чем-то набитый. В углу стояла широкая лавка. На высокой печи лежали какие-то тряпки и свешивалось лоскутное одеяло. Соколов подумал: «Господи, какая беспросветность! Такого и Сахалин не испугает, он уже себе сам создал каторжную жизнь».

Несмотря на теплую сухую погоду, окна были закрыты. Между окон лежала с зимы вата, на ней валялись дохлые мухи. В нос бил кислый, застоявшийся запах.

Полицмейстер строго сказал:

– Доставай икону, куда спрятал?

Сторож нахраписто возразил:

– Ищите, никакой иконы нет! Только что вот мои в красном углу. Если нужны вашим сиятельствам, можете, это, забирать. Ишь, «куда спрятал»!

Соколов приказал:

– Садись сюда, на скамейку! Глади мне в глаза, отвечай и не ври: где взял деньги на новые сапоги?

Сторож быстро, как давно обдуманное, отвечал:

– Прислал брат, в деревне под Вологдой живет.

– Когда ты, Фаддей, готовил воровство, то плохо его продумал. Как жулики могли открыть замок, если борода отломилась от отмычки и осталась в замке?

– Не могу знать! – Сторож потупил взгляд в пол. – Об том надо жулье спрашивать.

– А я знаю. Ты сначала открыл замок своим ключом, а уж потом засунул отмычку и отломил борода.

Сторож упрямо помотал головой:

– Не могу знать! Не отламывал...

– Если воры влезли за чудотворной иконой, то зачем им понадобилось валить на пол книги и снимать со стен все иконы подряд?

– Не могу знать, сейчас умереть! Фулиганили, потому как жулики.

– Если бы ты служил в полиции, то хорошо бы знал, что неопытные похитители того, что сами охраняют, часто делают этот и подобные трюки. Например, измыслив кражу, злоумышленник хочет очевидней доказать, что сюда действительно забирались воры. С этой целью он с наивностью ребенка разбрасывает предметы и вообще производит беспорядок, какой не делает ни один вор. Все это ты повторил в церкви. Признавайся, облегчи свою судьбу: где чудотворная икона Смоленской Божией Матери?

Сторож долго сопел, вздыхал и, наконец, выдал:

– Не могу знать! Только на меня мораль пущаете...

Соколов рукой поднял за подбородок голову сторожа, сурово резанул его взглядом и строго сказал:

– Северное сияние любишь?

– Не могу знать...

Соколов изумился:

– Не знаешь?! Это большое упущение в твоей скудной жизни. Что делать, придется за казенный счет командировать тебя. Поедешь в Нерчинск любоваться красотой северного неба, а заодно кандалами брэнчать и тачку катать.

В Багажном отделении

В это время полицейский, делавший обыск, протянул Соколову два рубля мелочью и почтовую квитанцию:

– Спрятаны были, ваше сиятельство, под бумажкой в поставце!

Соколов взглянул на квитанцию, широко улыбнулся:

– Надо же, Фаддей, ты получаешь трешник в месяц, а своему братцу Ивану Огрызкову в деревню Хлюстово Вологодской губернии отправляешь денежный перевод – сто рублей. Деньги не шуточные! И чтобы никто из знакомых не узнал о переводе, нарочно едешь в Казань. А нам говорил, что тебе брат помогает.

Полицейстер радостно хлопнул в ладоши:

– Вот, любезный воришка, ты и попался!

Сторож прогундосил:

– Сейчас умереть, ничего не знаю!

Полицейстер возмутился:

– Ну, Огрызков, ты глупец и нахал! Тебя приперли к стене, а ты свое долдонишь: «Не знаю, не знаю...»

– Я деньги на дороге нашел – сто пятьдесят рублей.

– Сказки будешь рассказывать, лежа на нарах! – в тон гению сыска сказал полицеймейстер. Вопросительно посмотрел на Соколова: – Куда его?

– В Ниццу, под пальмы на Лазурное побережье!

Полицеймейстер расхохотался:

– В кутузку подлеца!

– Разумеется!

– А тут мы устроим основательный обыск, я пришлю полицейских...

– Бесполезно! Коли гужется вовсю, стало быть, икону отдал, деньги получил. Похоже, что и впрямь сто пятьдесят рублей отвалили этому святотатцу.

Полицейский достал из кармана веревку, проворчал на сторожа:

– Повернись спиной, спеленаю тебя нежно, как младенца!

Полицеймейстер махнул рукой:

– Не надо! Засунь его в багажник, а шину оттуда переложи в салон, на заднее сиденье. –

Прозяще посмотрел на Соколова: – Аполлинарий Николаевич, вы позволите вас пересадить вперед?

(Замечу, что более комфортными считались места на заднем сиденье.)

Соколов отвечал:

– Конечно, Алексей Иванович!

Полицейские стали запихивать несчастного в багажник.

Соколов решил сделать последнюю попытку:

– Признавайся, Фаддей, кому отдал икону? Скажи правду, тогда хоть и выпорю, зато отпущу на все четыре стороны...

Сторож тупо помотал головой:

– Воля ваша, только не могу знать!

Соколов не сдержался:

– Ну и болван! Неужели ты думаешь, что я не найду икону? Нет, право, башка твоя пустая.

Сторож ничего не ответил, лишь перекрестился и безропотно залез в полукруглый ящик, подтянул колени к груди.

Снаружи багажник закрыли всячим замком.

Нескромные мечты

Когда отъезжали от монастырских ворот, подлетела на всем скаку коляска, запряженная парой. Из нее выскочил полицейский поручик. Он вытянулся перед полицеймейстером:

– Господин полковник, вам пакет от Михаила Васильевича!

Полицеймейстер разломил сургучную печать, вытащил прямоугольный плотный лист. Прочитал и с улыбкой обратился к Соколову:

– Наш губернатор Михаил Васильевич Стрижевский приглашает вас, Аполлинарий Николаевич, на званый ужин по поводу вашего прибытия! Ужин имеет быть в ресторане «Славянский базар», что на Большой Проломной улице. – Мечтательно потянулся. – Ух, гульнем нынче во всю ширь!

Как всякий приличный полицейский, он любил выпить в хорошей компании.

* * *

Вечером в «Славянском базаре» было весело, шумно, пьяно. Губернатором оказался полный здоровья, корпулентный генерал. Он приказал никого посторонних в зал и кабинеты не впускать. Зато высший свет Казани блистал во всей своей красе.

С румяного лица губернатора не сходила улыбка.

Вместе с Соколовым он стоял около входных дверей в зал и знакомил знатного гостя:

– Аполлинарий Николаевич, позвольте представить вам – камергер, действительный статский советник Сергей Сергеевич Толстой с супругою. Сергей Сергеевич – губернский предводитель дворянства.

Почтенный муж в лентах и звездах, сиявший громадной лысиной, важно наклонял голову:

– Очень рад...

– Председатель губернской земской управы Петр Иванович Геркен с супругою... Управляющий казенной палатой действительный статский советник Карл Александрович Штенгер с супругою... Инспектор тюремного отделения действительный статский советник Александр Никитич Рябчиков без супруги...

Соколов в силу своего гигантского роста на всех глядел сверху вниз, каждому улыбался, а у местных дам вызвал истинный переполох. Каждая из них с вождением глядела на атлета-красавца и грешно вздыхала: «Господи, лучше одну ночь с графом Соколовым, чем всю жизнь с моим несчастным мужем!»

И дамы были совершенно правы: женская интуиция никогда не подводит!

Светские сплетни

Наконец все сели за громадный, поставленный буквой «П» стол. Он был украшен цветами, трещал от напитков и холодных закусок.

Шестеро лакеев (про слово «официант» здесь еще не слышали) продолжали подносить бутылки дорогого вина, запотелые графинчики с водкой. Посреди стола жирно блестела глыба паюсной икры, нежно розовел балык. Янтарные лангусты лежали на большом блюде в оформлении зеленью.

Губернатор поднялся с бокалом шампанского. Все знали его страсть к произнесению утомительных тостов и доблестно терпели, как терпит пациент с раскрытым ртом, придя к дантисту.

Губернатор, испытывая наслаждение от торжественности момента и собственной значимости, произнес:

– Милостивые государыни и государи! Мне выпала высокая честь выразить вслух волнующие всех нас чувства. Но можно ли претендовать на исчерпывающее освещение достоинств лица, в честь которого мы собрались все тут? Уверен, что сделать сие нет возможности. Ибо нынче мы приветствуем гордость великой России, любимца государя императора Николая Александровича, гения своего нелегкого поприща Аполлинария Николаевича графа Соколова. – От избытка чувств голос губернатора перешел было на фальцет, но он справился с волнением и продолжал: – В этом зале собрались самые значительные люди губернии, самые очаровательные дамы. То есть люди самые просвещенные и житейски опытные. Мы умеем ценить достоинства людей. И в едином сердечном порыве позвольте сказать: за атлетическое ваше здоровье, за ваши успехи на благо великой империи, за ваше многолетие и беспредельное счастье, Аполлинарий Николаевич!

Все дружно грянули:

– Ура!

Раздался звон бокалов. Выпили с удовольствием.

Всем хотелось высказать любимцу государя, знаменитому сыщику свой восторг. Тосты следовали один за другим.

Губернатор, расчувствовавшись до слез, хотел обнять Соколова, но никак не решался. Он сказал ему:

– Граф, вы – настоящий герой! Про вас ходят легенды. Скажите, это правда, что вы раскрыли все до единого дела, которыми занимались?

– Правда.

– Неужели раскроете дело с похищением чудотворной?

– Обязательно!

– Вот это и есть совершенное чудо!

Супруга губернатора, дама со следами былой красоты на дебелим лице, зятая в шелковое платье, готовое вот-вот треснуть по всем натянутым швам, набралась храбрости и обратилась к Соколову:

– Позвольте полюбопытствовать, Аполлинарий Николаевич, вы давно последний раз видели государя?

– Недели две назад я был в Царском Селе. Мы занимались с наследником гимнастикой. Губернаторша выкатила глаза.

– Надо же! – Почти шепотом: – Правду говорят, что Григорий Распутин изнасиловал няню царских детей Марию Вишнякову?

Соколов улыбнулся:

– Не могу знать, ибо не присутствовал при этом волнующем умы событии. Слух, правда, ходит.

Губернатору не нравилось, что ему не дают поговорить со знаменитым гостем. Он отодвинул локтем супругу и обратился к Соколову:

– А как здоровье Петра Аркадьевича? Мы со Столыпиным бо-ольшие друзья!

– С Петром Аркадьевичем последний раз виделись в Зимнем дворце на Рождество.

– Скажите ему мой поклон!

Телеграммы, телеграммы...

Тем временем полицмейстер Васильев изрядно выпил, а в этом состоянии он делался несколько дидактичным и азартным в разговоре. Зная эту его особенность, губернатор приказал полицмейстеру сидеть в дальнем конце стола. Тот доблестно терпел. Но ему страстно хотелось поспорить с Соколовым, перед которым сейчас не ощущал страха. И чем больше он пил, тем это желание становилось неотступней. И вот наступил момент... Полицмейстер, подняв бокал, через весь зал двинулся к Соколову. Уже на подходе на весь зал сказал:

– Граф, а вы сегодня совершили ошибку. Я уверен, что этот несчастный сторож не виноват – ни в чем!

– Ну так нашел бы, Алексей Иванович, виновного! Времени у тебя было достаточно.

Полицмейстер, не слушая, продолжал речь, стоя в трех шагах от Соколова и заметно покачиваясь:

– Он слишком робок и глуп, чтобы украсть чудотворную икону. И ему она не нужна. Ну зачем она ему? В замке борода отмычки? Ну и что? Тьфу! «Полицейский вестник» в каждом номере печатает подобные промашки неопытных воров? Вот-вот! У нас, граф, случай обратный. Похитители – люди хитрые, страсть какие хитрые. – Помотал головой. – Они все тщательно обдумали. Да-с! Замок, того, вскрыли, а потом нарочно отломили борода. И с этой же целью раскидали по церкви иконы. Пусть, дескать, на сторожа думают. А то я бы давно его, того, под микитки и за эту, за решетку. У меня быстр-ро! Не забалуешь! Пр-равильно говорю, господа?

Соколов насмешливо спросил:

– Но откуда у сторожа деньги?

– Как – откуда? – округлил глаза полицмейстер. – Жулики нарочно подбросили. Сторож говорит правду. Вот столечко, – сделал щепоть, – не врет. Но, – поднял палец вверх, – из уважения к вам, граф, мы его отправим на каторгу. На десять лет! Правильно, господа?

Губернатор надул щеки:

– Пошел на место, оратор!

Полицмейстер в изумлении открыл рот.

Паузой воспользовался губернский предводитель. Он вскочил из-за стола, крикнул:

– Господа, предлагаю выпить за здоровье государя императора и отправить ему приветственную телеграмму от имени всех присутствующих!

По залу прокатилось дружное:

– Ур-ра! Телеграмму! Поздравление с грядущим столетием Бородинской битвы!

И в этот момент в тужурке с золотыми пуговицами появился почтальон. Отыскав глазами Соколова, он направился прямо к нему:

– Приятного аппетита! Простите за беспокойство. Вам, ваше сиятельство, правительственная телеграмма, – и протянул сиреневый бланк.

При слове «правительственная» все в зале замерло, перестало разговаривать, дышать, стучать вилками.

Соколов под десятками наведенных на него глаз распечатал телеграмму, прочитал, хмыкнул, но ни один мускул не дрогнул на лице сыщика.

Соколов за свою богатую приключениями жизнь пережил много различных ощущений, но подобное он чувствовал впервые: это было недоумение и оскорбленное самолюбие, замешанные на несправедливости. Он совершенно отчетливо определил для себя: сторож Огрызков – преступник, участник похищения православной святыни. И вот эта странная депеша...

Соколов свернул сиреневый бланк, убрал в карман. Повернулся к губернатору:

– Когда ближайший поезд на Москву?

– В шесть сорок пять утра. Что-нибудь случилось?

– Без меня в старой столице государственное устройство рушится. – Обратился к полицмейстеру: – Алексей Иванович, прикажи из тюрьмы выпустить сторожа. Получается, что ты прав...

Полицмейстер широко улыбнулся, многозначительно подмигнул губернатору и вдруг хлопнул себя по лбу:

– Ой, я забыл его вынуть из багажника! Небось перепачкал мне его, паскудник. Ну, да сам и вымоет.

Банкет продолжался.

Чистосердечное признание

События и впрямь приняли фантастический характер. В тот день, когда Соколов отправился в Казань, дежурный доложил Джунковскому:

– Находящийся под стражей за ряд вооруженных ограблений Леонид Кораблев подал прошение.

Джунковский недовольно поморщился:

– Мне зачем знать это?

– Кораблев просит о незамедлительной встрече с вами, Владимир Федорович...

– Что? А с царицей Клеопатрой он не желает встретиться?

– Нет, только с вами. Вот его прошение: «В газетах прописано про чудотворную из Казани, так это я ее умыкнул и знаю, где лежит. Следствию говорил я, что будто сжег чудотворную, а на самом деле нет, а следователь меня не слушал и в протокол не писал. Я говорил о том и тюремному священнику отцу Николаю, и его водили и показывали, но мною никто не

интересуется. Я отдам вам, господин губернатор, чудотворную, только поклонитесь на распятии, что за это вы меня на все четыре стороны освободите и обещаете денег двадцать рублей. Руку к сему приложил *Ленька Кораблев*».

Джунковский сначала удивился, потом задумался. Он посмотрел на адъютанта:

– Я что, должен марать свой мундир, вступая в торговлю с этим типом?

Адъютант осторожно заметил:

– Но этот Кораблев заявил, что только вам, Владимир Федорович, он верит и вручит икону. Под условие освобождения... И пригрозил: «Коли губернатору икона не нужна, царю писать стану!»

– Что числится за ним?

– Три вооруженных нападения, один труп.

Джунковский задумчиво прошелся по кабинету. Встал у окна. Перед ним лежала оживленная Тверская улица с ее многочисленными пешеходами, пролетками, грузовыми подводами, красочными и аляповатыми вывесками. Не поворачиваясь, сказал:

– Пусть ко мне явится отец Николай Смирнов.

Пустые хлопоты

Часа через три, тяжело дыша, утирая пухлой ладонью с чела пот и оправляя на груди большой серебряный крест, в кабинете Джунковского появился отец Николай. Ему было чуть больше тридцати лет, телом он был грузен, лицом кругл и румян.

Джунковский начал без предисловий:

– Куда это вас водил заключенный Кораблев?

Священник, еще больше покраснев, потупил очи:

– Счел долгом, с риском для жизни своей, узнав, что чудотворный образ Смоленской Божией Матери падший грешник желает возвернуть, посетил конспиративную квартиру.

– Ну?! – Джунковский налился гневом.

– Если по порядку сказать, – заторопился отец Николай, – то оный затворник Кораблев смутил меня вяканьем, дескать, отдам чудотворную... потому как... на свободу желает. Мне корпусной дежурный передал, что Кораблев жаждет видеть меня. Я приказал доставить его в комнату свиданий. Тут он мне и глаголет: «Чудотворную, о которой в газетах пропечатано, я похитил!» Я увещевал его и страшал будущего судилища ужасами. И разбойник сотерзался страхом и рек: «В день субботний, в пору вечернюю, заходите в трактир Жолтикова, что наискось от входа в Миусское кладбище, спросите Ваньку Хлюста. Ваньке скажите, дескать, я приказал предъявить чудотворную. Он вас удовольствует». И взял с меня честное благородное слово, что наш уговор стану хранить в тайне. И еще пугал, что икону сожгут, коли на все злодеевы условия не согласимся.

– И что?

– Ревнуя об обретении чудотворной, я решил. Едва пришел в трактир и стал спрашивать Ваньку Хлюста, сразу же ко мне двое неизвестного вида мужчин подошли. Вывели меня на улицу, поставили в тихой подворотне. Молвят: «Чудотворная у нас на квартире поблизости. Не сомневайтесь, батюшка, в вашей безопасности, но позвольте, для порядку и чтобы вам не волноваться, повязку на глаза положить». Готовый на всякие скорби, аз, раб Божий, смиренно согласился. Наложили мне повязку, яко слепцу незрячему, усадили на какую-то пролетку, но вскорости выгрузили, спустили под руки по ступенькам и повязку сдернули. Узрел я воочию чудотворную икону Смоленской. Так и стоит перед моим умственным зраком: старинная, покоробленная, с углами обветшалыми, а в месте прикладывания – углубление пробитое.

– И как вы поступили?

– Осенил себя крестным знаменем и приложился.

– Почему я об этой встрече узнаю от преступника?
– На другой день устным рапортом я подробно доложил о своем путешествии опасном господину тюремному инспектору, а тот, изрядно вас страшась, делу хода не дал.

Джунковский холодно сказал:

– Удивлен вашим легкомысленным поведением. Впредь такие шаги самостоятельно не предпринимайте, – и повернулся к дежурному: – Срочно отправьте Соколову в Казань от моего имени телеграмму: «Нахождение чудотворной установлено тчк Возвращайтесь срочно». Он здесь будет вести расследование.

– Слушаюсь!

Дежурный отправился выполнять приказ.

Вниз по ступеням

На склоне лет своих, в самых тягостных условиях большевизма, пережив тюремные заключения, Джунковский создал интереснейшие «Воспоминания». Они вышли в двух томах и увидели свет лишь в 1997 году. Джунковский, вспоминая историю с чудотворной иконой, писал: «Я высказал и тюремному инспектору, и священнику мое неудовольствие по этому поводу, находя недостойным для сана священника быть орудием шайки темных личностей... Я запретил отцу Николаю продолжать принимать какое-либо участие в этом деле. Зная же, что великая княгиня Елизавета Федоровна принимала очень близко к сердцу все дело о похищении иконы, я поехал ей доложить об этом случае. Великая княгиня полагала, что вполне возможно, что икона не была сожжена, а продана старообрядцам, как некоторые полагали, а потому придавала значение показаниям Кораблева, который именно и утверждал это. Через некоторое время великая княгиня направила ко мне игуменью Казанского монастыря Варвару вместе с монахиней, очень хорошо знакомой с иконой, которая дала мне подробные сведения об иконе, размере ее, иконописи и т. д.».

Дело опять зашло в тупик.

* * *

Слух об исчезнувшей иконе получил громкую огласку. Многим хотелось отличиться в ее розыске.

Бывшие друзья Григория Распутина, а теперь злейшие завистники и враги – иеромонах Илиодор из Царицына и епископ Гермоген, сосланный в один из отдаленных монастырей, обратились с письменной просьбой к Джунковскому: «Многоуважаемый Владимир Федорович! Покорнейше просим устроить нам свидание с Кораблевым. Наша цель – отъять у злоумышленников православную святыню».

Джунковский разрешил свидание одному Илиодору. Тот, придя в камеру, убеждал Кораблева:

– Помогите, сударь, отыскать пропажу. В этом случае обещаю вам свое заступничество перед государем! И от себя лично пожертвую вам деньгами.

Преступник загадочно заводил глаза под потолок, что-то мычал невнятное, но дела не предлагал.

Илиодор пошел из тюрьмы напрямиком к Джунковскому. Цинично заявил, ослабив зубы:

– Да что мы добиваемся этой иконы! Губернатор удивился:

– Как – что? Православная святыня! Народ ропщет...

– Вот я и говорю: поручите мне, я за хорошие деньги закажу копию – лучше прежней будет.

Джунковский от возмущения аж задохнулся:

– Как? Лучше прежней?

Он нажал кнопку электрического звонка. Вбежал дежурный:

– Вызывали, ваше превосходительство?

Джунковский ткнул пальцем:

– Спусти с лестницы этого типа в рясе. И чтобы впредь я его никогда тут не видел!

... Через мгновение приказ был в точности исполнен.

Последний приют

Как круги по воде от брошенного камня, так история пропавшей иконы обрастала новыми слухами. Сам государь стал требовать еженедельных докладов о ее розыске.

Преступник Кораблев вновь обратился с просьбой:

– Пусть губернатор выслушает меня! Только ему открою всю правду.

Джунковский вспоминал:

«Я приказал тогда доставить его ко мне в губернаторский дом с конвоем и принял с глаз на глаз, чтобы дать ему возможность высказаться совершенно откровенно. За время существования губернаторов это был первый случай, что арестант ссыльно-каторжного разряда, не отбывший даже еще кандалного срока, вошел в кабинет губернатора.

Кораблев мне рассказал целую историю, как икона была продана старообрядцам и что, по его сведениям, она в то время должна была находиться в селении Кимры Тверской губернии... Он говорил очень много, но связать все было трудно».

Джунковский сказал Соколову:

– Скоро ты напрямик займешься этим делом!

– Меня это мало бы трогало, – сказал сыщик, – если речь не шла бы о православной святине и если бы я не дал слово Елизавете Федоровне.

И вдруг о Соколове словно забыли. Его по непонятной причине из дела поисков иконы исключили. И это казалось весьма странным.

* * *

Деятельный Джунковский был полностью погружен в свои дела – мелкие и крупные. Сначала участвовал в открытии выставки по воздухоплаванию в Техническом училище. При этом Джунковский мужественно поднялся в воздух на хрупком аппарате, который пилотировал Сергей Уточкин. В эти же дни пришлось организовывать приют для отбывших тюремное наказание и нуждавшихся в помощи. Этот приют открылся в деревне Лачикино Клинского уезда. И тут же пришлось срочно выехать в Петербург. Там чины лейб-гвардейского Преображенского полка в воспоминание двухсотлетия Полтавской битвы открыли памятник Петру I. Он был сооружен перед казармами на Кирочной улице. Присутствовал и сам государь. И почти в тот же день арестовали опасного убийцу Ивана Журавлева, и тут не обошлось без участия московского губернатора... Вскоре приспело открывать первый крестьянский приют близ станции Быково, закупать для него все необходимое.

Везде нужен был хозяйский глаз губернатора, его участие и заботы, а порой и вклад личных средств.

Жизнь была хлопотливой. Дело о похищенной иконе ушло как бы в тень.

Губернаторские тайны

Соколов встретился с Джунковским на кладбище Алексеевского монастыря, что на Верхней Красносельской. Хоронили фон Вендриха.

Отзвучали прощальные речи, гроб опустили в землю. Заплаканная жена, вся перетянутая черным платьем, священники в облачениях, равнодушно переговаривающиеся знакомые и сослуживцы усопшего двинулись к выходу по дорожке, усыпанной свежим желтым песком.

Джунковский взял под локоть Соколова. Он был одним из немногих, кого эта смерть глубоко опечалила. Всякие слова о бренности существования сейчас были бы пошлыми. Друзья миновали домик смотрителя и молча вышли из полукруглой кирпичной арки на Красносельскую.

Соколов вдруг спросил:

– Ну что, отыскивали чудотворную икону?

Джунковский вздохнул:

– Ох, не до иконы теперь! Садись, Аполлинарий Николаевич, в авто, поехали ко мне. Я с тобой хочу посоветоваться в связи с двадцать восьмым мая... А потом поедем куда-нибудь вместе, пообедаем. Согласен?

Заметим, что 28 мая ожидалось прибытие в Первопрестольную государя с наследником цесаревичем и великими княжнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией Николаевнами. Принимались самые серьезные меры по обеспечению безопасности.

Автомобиль, фыркнув вонючим сизым газом, пугая лошадей, тащившихся на кондитерскую фабрику братьев Абрикосовых, рванул к центру города, на Тверскую.

Приехав к себе, Джунковский сразу попал в круговорот многочисленных и, как каждому просителю казавшихся, неотложных дел. Дежурный внес на рассмотрение и подпись кипу бумаг, в приемной томились посетители.

Соколову надоело ждать. Он нетерпеливо сказал:

– Ну, что с иконой?

Джунковский хлопнул себя по лбу:

– Ах да! Не сейчас, я тебе в свое время скажу. Столько дел, сам видишь! Я ведь не Синод, чтобы церковной утварью заниматься. Забудь, пожалуйста, про этого Кораблева и про эту икону. Договорились? – Резко перевел разговор на другую тему: – Я сейчас сделаю самые неотложные дела, и мы с тобой отправимся в трактир Егорова, будем слушать Вагнера на балайках и есть любимых тобою копченых угрей.

Соколову стало ясно: губернатор что-то недоговаривает. Соколов произнес:

– Да, Владимир Федорович, это твое дело: искать пропажу или не искать.

Джунковский вздохнул:

– Половину дела мы сделали: преступник наказан.

Соколов усмехнулся:

– Если этот негодяй Кораблев и впрямь покусился на икону, то жизнь его не стоит веревки, на которую следовало бы вздернуть негодяя. Но я не очень уверен, что именно Кораблев причастен к пропаже. – Заметив на лице Джунковского неудовольствие, с расстановкой добавил: – Ну да ладно! Не стану говорить поперек батьки...

Джунковский рассмеялся:

– Правильно! Как это у Шекспира про дела, которые не снились и мудрецам?

... Через несколько минут они входили в знаменитый трактир Егорова, что располагался на Манежной площади напротив «Национальной» гостиницы.

Черная икра была свежей и малосольной. В тот вечер она особенно хорошо шла под «Смирновскую № 21».

Хорошая память

Казалось, что история с похищением православной святыни навсегда покрылась мраком неизвестности.

Наступил радостный для всех русских людей день – 28 мая 1912 года. В Москву прибыл государь со своей августейшей семьей. Сюда же приехали почти все особы императорского дома. Прибыли воинские эшелоны от гвардейских частей для участия в торжестве открытия памятника Александру III.

Около часу дня на Николаевский вокзал съехались все, кому надлежало первыми встретить государя. Народ, обожавший монарха, густой непрерывной толпой собрался по всему пути следования самодержца. Лома были украшены флагами и транспарантами.

На платформе в праздничных мундирах выстроился почетный караул от 1-го лейб-гвардейского Екатеринославского императора Александра I полка со знаменем и хором музыки на правом фланге.

Соколов стоял скрестив на груди руки, а его сосед – молодой, женоподобный красавчик Феликс Юсупов – рассказывал петербургские светские сплетни.

Вдруг Соколов заметил медленно идущую вдоль перрона великую княгиню Елизавету Федоровну. Соколов молча поклонился ей.

– Граф, – тихо произнесла Елизавета Федоровна, – вы не уважили мою просьбу. – Помедлила, исправилась: – Эта просьба всех истинно верующих православных людей. Ведь беда случилась на Крещение Господне. Столь долгий срок минул – и нет результата, увы.

И хотя она больше ничего не добавила, Соколов принял решение: «Отыщу, найду святыню!» Вслух лишь произнес:

– Хорошо, Елизавета Федоровна, я сделаю все от меня зависящее.

– Я буду молиться за вас, граф, – добавила она, протягивая руку для поцелуя. Рука была без перчатки.

Соколов обратил внимание на пальцы великой княгини: они были сильными, с широкими, загибающимися книзу ногтями.

Вдруг раздались голоса:

– Идет, идет!

Из-за поворота показалась медленно приближающаяся смолянисто-блестящая громада паровоза.

Темная история

В тот же день, ближе к вечеру, завершив праздник встречи государя, Соколов отправился к Иверским воротам, в здание губернского правления. Здесь на первых двух этажах размещалось тюремное ведомство.

Соколов застал Хрулева в его кабинете. Это был тощий человек с высокой шеей, болтавшейся в воротнике мундира, как пестик в колоколе, с длинными клочковатыми бакенбардами и с той застывшей важностью на желтом лице, которая очень часто присутствует у людей недалеких, но самоуверенных.

Соколов сказал:

– Степан Степанович, четвертого мая был отправлен этапом в Орел ссыльнокааторжный Леонид Кораблев. Скажи, где он сейчас находится? В Орле?

Хрулева прямо-таки передернуло от этого обращения на «ты». Он вздернул острый подбородок.

– Позвольте полюбопытствовать, граф, на каком основании я должен отвечать на ваш вопрос? Если он требуется вам по служебным обстоятельствам, попрошу сделать официальный запрос, и моя канцелярия ответит вам письмом. Если этот вопрос, так сказать, частный, то я хочу ваших объяснений: почему этот арестант вас интересуется? – Тонкие губы растянулись в ехидной улыбке. – Может, граф, он ваш родственник?

Соколов перегнулся вдруг через стол, ухватил ручищей чиновника за грудь, оторвал от стула. На пол посыпались желтые металлические пуговицы. Гений сыска уперся жестким взглядом в лицо чиновника и сквозь зубы сказал:

– Ты почему дерзишь? Я тебя, чиновничья шмакодявка, сейчас в окно вышвырну.

Хрулев смертельно побледнел, разинул рот, полный фарфоровых зубов, хотел позвать на помощь, но страх перехватил голос, и вышло лишь жалобное шипение:

– Отпуш-штите...

Соколов продолжал его удерживать, буравя стальным взглядом.

– Последний раз спрашиваю: где Леонид Кораблев?

Начальник тюремного ведомства согласно замотал головой:

– Да, да, все устроим...

Соколов разжал ручищу. Грозно переспросил:

– Ну, где?

Хрулев взял со стола бронзовый колокольчик, погремел им. В кабинет тут же заскочил какой-то угодливо согбенный чиновничий крючок:

– Слушаю, ваше превосходительство-с!

Слабым голосом Хрулев проговорил:

– Отыщи, братец, в картотеке ссыльнокаторжного Кораблева Леонида.

– Единый миг-с, ваше превосходительство.

Соколов молча подошел к высокому узкому окну. Моросил мелкий дождь. Намокшая булыжная мостовая блестела, словно антрацит. По ней перла людская толпа. Возле Иверских ворот стояли нищие и богомольцы. Торговцы с лотками шныряли в толпе.

Вошел чиновник с тощей папкой в руках. Согнулся пополам:

– Вот, тут и последнее секретное предписание-с...

Хрулев протянул Соколову лист бумаги.

На бумаге стоял гриф: «Главное тюремное управление». Соколов стал читать и изумляться: «Совершенно секретно. Спешно. Московскому губернатору. Вследствие личных объяснений с Вашим превосходительством по поводу ссыльнокаторжного арестанта Леонида Кораблева, дальнейшее пребывание которого в Московской центральной пересыльной тюрьме Вы, со своей стороны, также признавали бы вредным, имею честь уведомить Вас, что господин министр юстиции признал соответственным перевести названного арестанта в другое место заключения». Соколов покачал головой:

– Ну и стиль! Нет, это не Тургенев... Двух слов связать не умеют. Что дальше? «Ввиду изложенного Главное тюремное управление просит Ваше превосходительство сделать распоряжение о переводе Кораблева этапом 4 сего мая в ведение орловского губернатора для помещения в местную временную каторжную тюрьму. О предстоящем переводе Кораблев не должен быть предупрежден, и распоряжение это должно быть объявлено непосредственно перед отправкой и сдачей конвоем на этап. Администрации Московской центральной пересыльной тюрьмы подвергнуть Кораблева перед сдачей конвоем самому тщательному обыску и убедиться в исправном и прочном состоянии наложенных на него ножных и ручных оков, а также предупредить конвой о необходимости иметь за Кораблевым в пути самый бдительный надзор в предупреждение нападения на конвой и побега». И подпись: «Начальник Главного тюремного управления Хрулев». Удивительный документ!

Соколов вернул секретное предписание. Он был ошарашен непонятными ему закулисными играми. Спросил:

– Что еще в папке?

Чиновник вынул из папки плотный квадратный лист бумаги, доложил:

– Ваше превосходительство, Леонид Кораблев, православный, 1886 года рождения, арестован за грабежи и убийство второго января нынешнего, 1912 года. Осужден к четырнадцати годам каторги. В настоящее время находится в Орловской губернской тюрьме.

Соколов удивленно поднял бровь:

– Повтори: когда арестован?

– Второго января 1912 года.

Сыщик повернулся к Хрулеву:

– Степан Степанович, у тебя в этих формулярах ошибок не бывает? Точно ли второго января?

– Наверное! Но вы можете уточнить.

– Тогда позволь воспользоваться твоим телефонным аппаратом. – Соколов повертел рычаг – вызов станции, снял трубку: – Барышня, дайте мне номер 12–01.

Тут же послышался ответ:

– Соединяю с Центральной пересыльной тюрьмой.

Хрипловатый голос, в котором Соколов сразу же узнал давнего знакомца – начальника тюрьмы Колченко, ответил:

– Слушаю!

– Николай Федорович, у тебя содержался арестант Леонид Кораблев. Скажи-ка, он когда поступил к тебе?

– Одну минуту, документы открою. – В трубке раздалось шуршание бумаги. – Аполлинарий Николаевич, этот самый Кораблев был доставлен второго января 1912 года в четыре часа пятьдесят минут пополудни.

– Так, говоришь, второго января? – Насмешливо добавил: – Николай Федорович, ты меня сегодня порадовал.

– Чем, Аполлинарий Николаевич?

– Алкоголем от тебя не пахло.

Начальник тюрьмы вздохнул:

– Чем телефон и хорош. Но нас тоже понимать следует. У нас, как у могильщиков, без выпивки нельзя – нервы лопнут. Мы ведь, между прочим, тоже люди... Чужие страдания нас за душу порой берут.

Закончив телефонный разговор, сыщик сказал Хрулеву:

– Напиши отношение, чтобы мне разрешили встречу с Кораблевым. Интересно, как он мог похитить икону, если уже четыре дня находился под стражей?

Начальник тюремного ведомства на сей раз безропотно повиновался – протянул разрешение, хотя это можно было делать лишь с разрешения прокурора.

... Через два часа Соколов сел в железнодорожный вагон.

Арестантские фантазии

В Орле Соколов пробыл совсем недолго. Была глухая ночь, но он разбудил дежурного офицера:

– Срочно доставь арестанта Кораблева в камеру следователя.

Офицер, молоденький подпрапорщик, угодливо улыбнулся:

– Вовремя вы, господин полковник, спохватились! А то ведь Кораблева послезавтра этапом на Сахалин отправляем. То-то он все твердил: я, дескать, в дружбе со всем московским начальством. Меня, дескать, сам губернатор пивом и бутербродами угощает.

– Да врет он все!

Минут через пять явился невысокий, в тюремной робе молодой мужик с плутовскими цыганскими глазами, с лицом серого цвета, который бывает у всех, кто долго сидит в тюрьме, с длинными обезьяньими руками. Он хитро посмотрел на Соколова:

– Неужто и впрямь из Москвы за мной прибыли? А зачем отправляли? Коли слушали б меня, дело давно бы сделали... – затараторил арестант.

Соколов приказал:

– Сядь на стул. Ты украл чудотворную икону в Казани?

– Я самый. Денег дадите и на Сахалин обещаете не отправлять, так и передадут вам.

– Расскажи подробности преступления. Как проник в церковь, где висела чудотворная?

Кораблев завел глаза к потолку, заученным тоном начал:

– Это церковь женского монастыря, в семнадцати верстах от города Казани. Происшествие случилось как раз на второй день после Крещения. Когда закончилась служба, батюшка вышел из алтаря, я, того, прошмыгнул в этот самый алтарь, спрятался. Никто меня и не тронулся. А утром рано пришел сторож, стал печь топить, двери оставил незапертыми, ну, я и дунул в них. А икону уже снял. Приехал в Москву, а меня тут и замели. По другому делу. Про икону я добровольно признался, учтите. Заплатите мне, я ее открою...

Соколов покачал головой:

– Какой же ты отпетый негодяй! Столько времени водил за нос занятых людей. Прикажу, чтобы на тебя двойные кандалы надели, а до самой отправки станут в карцере держать на воде. – Нажал на кнопку звонка. Вбежал надзиратель. – Отправь Кораблева в карцер, а про кандалы сам прикажу подпрапорщику...

Вдруг арестант упал на колени, дурашливо запричитал:

– Ваше благородие, простите! Во всем винюсь. Прочитал в газетах, что икону сперли, решил на себя взять. Подговорил дружков, они за нос полицию водили. Мечтал: денег дадут и отпустят, не вышло...

Соколов смилостивился:

– Надзиратель, двойные кандалы – отставить. Отведи арестанта в камеру...

– Спасибо, ваше благородие! – счастливым голосом крикнул арестант.

...Теперь путь Соколова вновь лежал в Казань.

Душевные терзания

История эта закончилась благополучно. Едва гений сыска с самым грозным видом стал допрашивать сторожа Огрызкова, тот повалился на колени, запричитал:

– Бес попутал! За всю жизнь нитки чужой не взял, а тут на икону святую покусился... Теперь все из рук валится. Корова сдохла. У брата дом сгорел, а в нем сто моих рублей. Себе ногу повредил, едва волочится. Сроду не болел, а теперь боли страшные в желудке, сохну, а есть не могу. Грех великий совершил! За то и страдаю.

– То, что угрызение совести почувствовал, это замечательно. Рассказывай по порядку, Фаддей. И сядь на стул. Ну, с чего все началось?

Сторож, судорожно глотая, выпил стакан воды и, чуть успокоившись, начал свою исповедь:

– О нашей чудотворной иконе Смоленской Божией Матери слава по всей России шла. На праздник Крещения поклониться чудотворной многие паломники съехались. Я стоял возле своей сторожки, как ко мне подошла важная дама, сама прямо краля, красоты большой. И

одежды богатые, шляпа меховая, воротник шалью. Говорит: «Мужичок, окажи услугу. Я тебе на водку дам. У меня ноги наскрозь промерзли, боюсь, простужусь. Позвольте у вас погреться. Вот за услугу пять рублей». Сама прямо в руки сунула. Ну, я и соблазнился. Как в Евангелии сказано? «Придите трудящиеся и обремененные...» Провел в дом, я один живу. Печь была протоплена, дама бутылочку вина из большого ридикюля достала. Сладкое, отродясь не пил такого. Занавески задвинул плотней, чтоб кто гулянье наше не разглядел. Да и то, разговелись. Засиделись мы, хорошо так. И дама все ко мне ластится. Потом достает сто пятьдесят рублей. Я увидал, в глазах потемнело. Лама говорит: «Возьми, мужичок, все твое. Только принеси икону чудотворную...» – «Как же можно? Грех какой!» – «Никакого греха нет». – «Как же нет?» – «А так, что это тоже для доброго дела надо. Послал меня к тебе один знатный и богатый человек, который больше жизни иметь ее жаждет». – «Старообрядец, что ль?» Лама замялась, говорит: может, и старообрядец, да это к делу не относится. Дескать, народищу много всякого сейчас наехало. Мало ли кто забрал икону? Беда невелика. Я уже сомневаться в себе начал, да еще выпивши. Словно бес под ребро толкает: «Отдай, отдай!» А она меня подущает: «Ты сними замок, принеси сюда, я так устрою, что все подумают на жуликов. А в церкви все повали, словно чего искали». Пошел я как весь не в себе, не желаю, а ноги сами несут. Это, тьфу, нечистый меня толкал. – Перекрестился. – Открыл двери, осторожно снял образа, приложился и на пол рядышком положил. Замок, как дама приказывала, ей принес. Она засунула отмычку, говорит: «Крути, отмычка подпилена!» Я покрутил, бородка в замке и осталась. Дама икону взяла и сразу за дверь – шась! Больше я ее не видел. Сколько времени прошло, а я все еще дрожу от страха и стыда, и прощения мне никогда не будет. И пойду напрямик в геенну огненную, жупелом огненным будут нечистые в мою харю тыкать...

Соколов, пригнув голову, прошелся по ветхой хибаре.

– Вспомни, может, дама еще чего сказала: с какой целью нужна икона?

– Не, с целью не говорила. Говорила, что в доброе место, там много старинных таких стоит.

Соколов заинтересовался.

– Много, говоришь?

– Лама так выразилась.

– Сколько лет даме?

– Свежая еще, может, тридцать?

– Какие приметы: рост, цвет волос, нос, глаза?

– Хорошие приметы, беленькая да нарядная, а вот говорит так, словно не наша, не русская. Слова не чисто произносит. Торопилась все, раза два повторила: «Как бы на поезд не опоздать!» Я за ней вышел, а на углу, саженьях в тридцати от ворот, коляска ожидает. Села и покатила себе в удовольствие.

– Сколько времени было, когда дама уехала?

– Заутрени не начиналась, с нее весь шум начался, замок сорванный обнаружили и полицию вызвали.

Сыщик знал: почтовый поезд номер 9 на Москву отходит от вокзала в Казани в шесть часов сорок пять минут.

...Соколов не стал арестовывать несчастного сторожа. Не заглянув к местному начальству, он полетел в Москву. Для него многое прояснилось.

Эпилог

В Москву Соколов прибыл в четыре часа пополудни.

И уже на другой день с утра он вошел в кабинет губернатора Джунковского, держа в руках нечто завернутое в чистое покрывало. Положил это нечто на зеленое сукно стола и уперся взглядом в губернатора:

– Ну, догадался, что это такое?

На лице Джунковского было написано недоумение.

Соколов развернул покрывало. Изумленному взгляду губернатора предстала замечательного древнего письма и отличной сохранности чудотворная икона Смоленской Божией Матери. Он выдавил из себя:

– Неужто та самая?

– Та самая! – Перекрестился и приложился к иконе. – Благодарю тебя, Создатель, что ты сподобил меня отыскать эту святыню.

Джунковский с некоторым возмущением начал:

– Но как ты посмел... – осекся, перешел на другой тон: – Но как ты, граф, сумел отыскать?

Соколов счастливо рассмеялся:

– Факиры своих чудес не разоблачают. Но тебе по дружбе скажу. Ты, конечно, знаком с тайным советником Дмитрием Ульянинским, чиновником управления удельного округа?

– Разумеется!

– Он мой старый знакомец, собрат по библиофильской страсти. Вчера, вернувшись из Казани, я напрямик направился к нему на Ильинку. Ульянинский кроме редких книг собирает еще живопись и старинные иконы.

Мир настоящих коллекционеров узок. Все знакомы друг с другом. Быстро разносится весть о каком-нибудь счастливом редком приобретении. Ведь собирают не только себе на радость, но и другим на зависть: как не похвалиться новой находкой! А если знают двое, то, как известно, знает вся земля. Есть люди, одержимые манией коллекционирования. Истории криминалистики известно немало случаев, когда вроде бы самые добропорядочные граждане шли на страшные преступления – вплоть до убийств, – лишь бы завладеть предметом своей собирательской страсти.

Я без обиняков спросил Ульянинского: «Кто в Москве или Петербурге собирает старинные иконы? И может, в качестве агента, послать красивую даму, блондинку, говорящую, видимо, с акцентом?»

И Ульянинский тут же назвал мне имя крупного иностранного фабриканта, имеющего в Москве и России многочисленные концессии. И объяснил, что тот собирает старинную живопись – до шестнадцатого века. Включая русские иконы, в которых тоже видит всего лишь картины – не больше, ибо он сам иноверец. Эта лама, соотечественница фабриканта, много лет прожила в России, прекрасно владеет русским языком. Она то ли секретарь, то ли любовница фабриканта. А вероятней всего, и то и другое. Она недурно разбирается в живописи. Услышав о древней иконе в отдаленном монастыре, нарочно из Москвы прикатила в Казань. Кто-то научил даму имитировать профессиональную кражу: сломать отмычку, разбросать книги и иконы. За это и она, и ее буржуй, надеюсь, заплатятся. Когда я пришел в дом фабриканта, меня не хотели допускать. – Соколов весело засмеялся. – Ты, Владимир Федорович, такое представить способен? Меня, на моей земле – и не пускать! Я подавил сопротивление глупых рабов, ввалился без доклада к фабриканту в кабинет. Тот вытащил револьвер и хотел стрелять. Пришлось объяснить, что у русских людей гостей так не принимают. В общем, немного дружески поговорил – результат на твоём столе и на его лице.

Соколов пристально наблюдал за Джунковским. Тот, несколько волнуясь, поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. Остановившись возле Соколова, вздохнул:

– Увечья у фабриканта серьезные?

– До свадьбы заживут! – неопределенно ответил сыщик. – А вот кое-кому из его клеветников лечиться придется долго.

Джунковский обнял приятеля:

– Поделом им! У себя дома чихнуть бояться, а в Россию приедут и начинают из себя корежить!

– Шум подымать не будут, не сомневайся, Владимир Федорович.

– Мы тоже.

– Но прежде хочу знать, почему нельзя наказать похитителя?

– Ко мне заходил великий князь... – Джунковский назвал имя. – Он приятель этого иностранного фабриканта. Тот никак не ожидал столь громкого скандала.

Соколов кивнул:

– Конечно, где ему понять, что такое для русского человека икона? Из горячей избы первыми вытаскивают детей и иконы, а уж потом деньги и прочее. Ах, гнусные интриганы!

Джунковский продолжал:

– Фабрикант раскаялся, говорил, что дама втянула его в эту историю. Но икону возвращать не хотел. Взамен обещал ничего подобного впредь не допускать и в наказание отправить эту гризетку на родину.

– Я видел эту красавицу. Очень хороша собой. Сначала шипела, как кошка, а потом стала глазки строить. Скажи, Владимир Федорович, по какой причине ты приказал мне в спешном порядке покинуть Казань?

Джунковский улыбнулся:

– Едва ты отбыл из Москвы, как тут же объявился Кораблев. Он признался в похищении. Вот я и приказал отстучать тебе телеграмму.

– Зачем же ты, Владимир Федорович, дал разрешение на этапирование Кораблева? И даже от меня скрывал это?

– В том-то и дело, что я не давал его. Мне Хрулев сам с ужимками и извинениями заявил: «Ах, мы уже отправили этого ссыльнокаторжного! Ошибка вышла, виноваты».

Соколов фыркнул:

– Так ведь ты, Владимир Федорович, мог приказать, и этого типа вернули бы в тот же день.

– Уже не мог! Выяснилось, что Хрулеву высшее петербургское начальство приказало спровадить Кораблева. Думаю, это был министр МВД Макаров. Хрулев уже должен был бы брэнчать кандалами на Сахалине. Но он не спешил на каторжный остров, прикидывался больным. И вот я сам получил указание: дело об иконе оставить втуне. Будто ничего не произошло. К сожалению, не мог тебе сказать правды. Сам был возмущен, но... плетью обуха не перешибешь. Сейчас в Европе накаляется обстановка. Зачем нам лишний скандал? Возьми мое авто и поезжай к Елизавете Федоровне, обрадуй ее. И попрошу тебя по-дружески: ни великой княгине, ни кому другому имени коллекционера-фабриканта не называй. И вообще об этой истории – ни слова. Обещаешь?

...В мемуарах губернатор Джунковский напишет, что ему «ничего не известно о дальнейшей судьбе пропавшей иконы».

Каверзы провинциала

Гений сыска граф Соколов готовился отбыть в Царское Село. 15 апреля 1913 года там имел быть пасхальный прием государя. Но в канун отъезда случилось дело евреев, как его окрестили журналисты. Хотя его точнее было назвать полицейским делом. Как бы то ни было, история эта прогремела на всю Россию и докатилась даже до подножия престола, ибо для тех благословенных времен подобное преступление казалось совершенно необычным и чудовищным.

Заниматься этим делом пришлось гению сыска графу Соколову.

От доброго сердца

В канун Пасхи, верный привычке делать добрые дела, Соколов направился на Новослободскую улицу – в Центральную пересыльную тюрьму. Он желал поздравить заключенных со Светлым Христовым Воскресением. В коляске у него стояла громадная кастрюля с крашеными яйцами, которую между ног держал жандармский рядовой. Другой служивый поддерживал ящики с апельсинами и мандаринами, а еще лотки с пирожками и эклерами – подношения для несчастных сидельцев.

В сопровождении начальника тюрьмы Колченко сыщик обходил камеры. Солдаты таскали за собой ящики и лотки, третий, из надзирателей, – громадную кастрюлю, из которой граф доставал яйца и протягивал их в жадно тянувшиеся руки.

Потом заглянул в мастерские. Графу понравилась дружная, даже веселая работа заключенных в портняжной, переплетной, столярной, ткацкой, кузнечной мастерских. Побывал в прачечной, где все пропахло щелочью, а воздух был наполнен облаками пара.

Заключенные слышали о знаменитом графе, улыбками отвечали на его поздравления, благодарили за подарки:

– Пошли и вам Господь всяческого утешения!

В переплетной Соколов похвалил мастеров:

– Прекрасно освоили дело! Работа по роскоши не уступает знаменитому Петцману. –

Пообещал: – При случае пришлю вам заказ.

Наконец, перед самым отъездом заглянул в портняжную мастерскую – большую, нарочно приспособленную камеру.

Тут, в светло-желтых халатах, в коротких широких штанах, работали десятка два арестантов. Одни быстро строчили на швейных машинках «Зингер». Другие, поджав под себя ноги в мягких котах, действовали иглами. Пахло испражнениями, хлоркой и горем.

– Христос воскрес! – произнес Соколов.

Увидав начальство, несчастные, как положено, сразу же оставили свои работы, покорно вскакивая на пол. Они отозвались недружным хором:

– Воистину воскрес! – и с любопытством уставились на вошедших начальников.

Солдаты раздали остаток подарков и вышли в открытые двери в широкий коридор. Начальник тюрьмы Колченко начал строго выговаривать старосте, который вовремя не распорядился вымыть полы.

Проситель

Соколов, с трудом перенося тяжелый воздух камеры, направился было за солдатами. Вдруг один из заключенных упал на колени перед Соколовым, молитвенно протянул руки:

– Ваше превосходительство, вы можете выслушать жалобу несчастного человека, который страдает совершенно напрасно?

Начальник тюрьмы Колченко с лицом искаженным злобою крикнул:

– Не приставай к начальству, Бродский! Я тебя закрою в карцер, посидишь на воде, жидовская морда! Такая наглая нация! Он, господин полковник, ссыльнокаторжного разряда. И все жалобы строчит: то прокурора требует, то в Сенат кляузы отправляет.

Соколов сказал:

– Встань, Бродский, и толком объясни, чего ты добиваешься?

Колченко опять вступил в разговор:

– Из Харькова его этапом пригнали, отсюда на Сибирь ждет наряда. И все пишет, пишет, дескать, непорядки в полиции. Да вы, Аполлинарий Николаевич, с любым из этой братии поговорите, так все будут долдонить, что их попусту посадили. Это уж дело обычное.

Соколов сказал:

– Федор Дмитриевич, отойди, я сам разберусь! А тебе, Бродский, приказано: встань и говори, чем недоволен?

Бродский оказался высоким, сутуловатым человеком годов тридцати. Густые, коротко подстриженные волосы жестко курчавились. Под нависшим мясистым носом черной мышью выделялись коротко подбритые усы. Большие круглые глаза с невыразимой печалью глядели на сыщика.

– Ваше превосходительство, не буду плакать вам в жилетку, хотя попал как карась на сковородку. И пусть сижу тут совсем напрасно. Но я хочу высказать про те дела, которые некрасиво творит полиция в Харькове. Почему никто даже не желает знать об том?

Другие заключенные уже окружили начальство, несколько голосов загалдели:

– Ваше благородие, вы послушайте Иосю! Он хотя еврей, но дело говорит. Потому как...

Соколов строго свел брови:

– Молчать, сам разберусь!

Все моментально замолкли, а у Бродского нижняя отвислая губа мелко задрожала.

Соколов спросил его:

– Какая статья?

За Бродского отвечал Колченко. Вопреки регулярным и обильным возлияниям, он обладал феноменальной и весьма специфической памятью: держал в голове содержание формуляров всех вверенных ему арестантов. И начальник тюрьмы, словно цирковой фокусник, любил блеснуть своей необыкновенной способностью. Он быстро, как по писаному, отвечал:

– Торговец города Харькова Иосиф Гиршевич Бродский, мещанин, тридцати одного года, по статье 1455 Уложения о наказаниях за умышленное убийство с целью ограбления приговорен к двенадцати годам каторжных работ.

Соколов сказал:

– Прикажи, Федор Дмитриевич, доставить Бродского в следственную камеру.

Повороты судьбы

Соколов прошел знакомыми коридорами к следственным камерам. Дежурный надзиратель при виде знаменитого сыщика счастливо улыбнулся, угодливо ответил:

– Сюда, ваше сиятельство, в седьмую завели!

Бродский сидел, как положено, в дальнем углу на табуретке, ссутулившись, зажав коленями руки. Едва сыщик вошел в помещение, Бродский торопливо вскочил на ноги, окаменело замер.

Соколов кивнул на большой, обитый черной кожей диван с высокой спинкой, стоявший у стены возле канцелярского стола:

– Садись сюда, Иосиф! Кто тебя обидел, безвинного? Бродский осторожно опустился на краешек дивана.

Он явно волновался, несколько раз беззвучно открывал рот. Вдруг слова горохом посыпались из его брыластого рта:

– Ваше благородие, я имел превосходную жизнь и красивую жену Сарру, урожденную Сандлер. Ее папа Соломон – это суконно-торговое заведение: драп, трико, шевиот, бархат, атлас, люстрин и прочее. Папа умер в одиннадцатом году, и все это добро отошло к его единственной и ненаглядной дочери Сарре. Так я враз разбогател, стал торговать в трех лавках и думал, что всегда буду жить неплохо. Неужели не слышали про папу Сандлера? Но про Сарру знают все, и не только на нашей улице. Доложу вам, ваше благородие, что моя Сарра самая красивая женщина, может, во всей губернии. Теперь я очень скучаю об ней. Бенэмонэс!

Соколов вдруг проявил знания древнееврейского языка. Он произнес:

– Можешь мне честное слово – бенэмонэс – не давать. Я и так верю в красоту твоей Сарры.

Бродский вдруг застонал:

– Чтобы чирьи завелись в головах моих врагов! Я лишился всего хорошего – и Сарры и лавок – безо всякой вины.

Отрешенно глядя в пол, он рассказывал сыщику, как его родители, фармацевты, годами дружили с семьей Сандлер, как сам он, Иосиф, сгорал от любви к Сарре. Когда той исполнилось шестнадцать лет, сыграли свадьбу.

– И все вышло из-за моей красавицы, из-за моей Сарры. – На глазах Бродского показались слезы. – Умный папа Соломон Сандлер говорил: «Из всех молочных блюд самое лучшее – жареная курица». Лучше бы я в тот день сломал ногу, когда позвал в гости начальника сыскного отделения Сычева. С этого случая в моей жизни наступил полный мрак, а впереди – двенадцать лет позорной каторги. И все началось с того, что Сычев увидел мою Сарру, когда я с ней стоял у своей лавки. Он вылупил на нее буркалы и облизался, словно кот на крынку со свежей сметаной. Ваше благородие, вы можете себе представить Иосю Бродского убийцей? Я сам себя убийцей даже в страшном сне видеть не могу. Однажды я вышел на крыльцо, а мой сосед Семен Кугельский зарезал курицу. Так я, бенэмонэс, едва не умер от страха и жалости. А этот Сычев, чтобы у него в мозгу завелись рыжие тараканы, так подстроил, что суд признал меня за убийцу. Вы позволите попить какой-нибудь воды?

– Я сделаю, Бродский, тебе праздник.

Соколов вызвал надзирателя, дал денег. Тот уже через несколько минут притащил в камеру корзину, в которой разносят заключенным передачи от родственников. Теперь в корзине стояло полдюжины запотелого пива в зеленовато-коричневых бутылках, на которых были отлиты не только инициалы владельца пивного завода Берникова, но даже для заказов на дом номер телефона – 20. Красивая была жизнь в старой России!

Страшная история

Бродский выпил две бутылки пива и малость захмелел. Он задумчиво почесал подбородок:

– Это, ваше благородие, такая история, что трудно понять, с чего надо начинать. Наверное, начну с Кугельского. У него, уверяю вам, водилась копейка. Он держал пивное заведение с бесплатными солеными сметками. Народ словно совсем глупый. Ради этих пустяков – соленных сметков – пер к нему гурьбой. Да, Кугельский жил хорошо, пока не добрались до него полицейские.

– Арестовали? – Соколов весьма заинтересовался этой историей.

– Гораздо хуже! Как-то мне попался у ворот Кугельский. Он был зачем-то пьян и очень грустен. Я его спросил: «Что с тобой, Семен, плохого произошло?» Семен сказал: «Пойдем ко мне в трактир и еще выпьем». Я пошел. Когда мы выпили, он сказал такое, во что я поверил, ибо от некоторых евреев еще прежде слышал подобное. – Просяще посмотрел на Соколова: – Вы позволите еще налить мне пива? Спасибо, пью опять за ваше драгоценное здоровье.

Бродский осушил залпом два бокала и захотел в туалет. Вернувшись, уже совершенно бойко продолжил:

– Кугельский сказал мне, что еще осенью был у него агент сыскного отделения Дросинский. Вы, ваше благородие, такого не знаете? И это очень хорошо. Поверьте мне, что это плохой человек, настоящий тип. И Дросинский приказал Кугельскому: «Теперь каждый месяц будешь платить в сыскное отделение оброк – пятьсот рублей! За то, что мы тебя охраняем. Я тебе сделаю удобство – сам буду приходить за деньгами. Об нашем разговоре молчи, потому как это государственный секрет. А сейчас прикажи в коляску ящик „Баварского” пива поставить – у меня именины». Еще бесплатно взял с витрины две бутылки «Перцовой» и уехал на извозчике. Кугельский расстроился, потому что первое число было уже через две недели. Точно в срок, словно киевский экспресс, прикатил Дросинский и стал требовать оброк. Кугельский клялся, что плохо с деньгами, и выложил двадцать рублей пятнадцать копеек. Дросинский взял, и Кугельский обрадовался. Но радовался он зря. Вечером того же дня, когда Кугельский возвращался с собственной супругой из театра, к нему подошли два типа, повалили на землю, изваляли новое драповое пальто и избили ногами, хотя супруга громко кричала полицию. Полиция не пришла, а хулиганы спокойно ушли.

– На другое утро Кугельский сам побежал к вымогателю и отдал семь рублей восемьдесят пять копеек?

Бродский с удивлением уставился на Соколова:

– Именно семь рублей и восемьдесят пять копеек. Таки вы знаете эту страшную историю?

Соколов неопределенно отвечал:

– Я знаю людей. И что было дальше?

– А дальше произошло – хуже не бывает. Сыскная полиция решила обложить этой самой пошлиной (холера ее возьми!) всех евреев-торговцев. Вы в такое можете верить? Но я говорю вам – бенэмонэс! Чтобы не возиться по отдельности с каждым торговцем-евреем, было приказано внести двести тысяч рублей. И добровольно отдать как годовую плату за нашу, смешно сказать, охрану. Можете мне поверить, ваше благородие, что до той поры никаких разбойников мы никогда не видали. У этих людей из полиции просто нет человечества, тьфу! Евреи, когда им совсем плохо, начинают разбегаться, если есть куда бежать. Многие из наших торговцев разбежались в чужие края, но сумма осталась прежней – двести тысяч, словно это два стакана семечек.

Хитрые маневры

Уже совсем расстроившись от собственного рассказа, Бродский, не спрашивая позволения, выпил очередную бутылку пива, еще раз попросился в туалет, а вернувшись, продолжал:

– Тогда мы все, кому некуда было бежать, собрались в синагоге. Мы держали совет. Большинство евреев, особенно умных и старых, говорили: «Это все равно как потоп – не избежать! Надо найти двести тысяч и отдать их этим собакам...» То же самое сказал ребе Альтер. Но вдруг вскочил со своего места Семен Кугельский, словно не его валяли в новом пальто, отрез на который он покупал в моей лавке за восемнадцать рублей. Кугельский стал вопить: «Не дадим денег! Сегодня двести тысяч, завтра эти голодные шакалы опять потребуют двести, пока не разорят нас!» Старые евреи отвечали: «У вас нет чувства страха, потому что вы – молодые и глупые!» Грандиозный Кугельский в ответ орал: «У нас есть чувства, но нету денег!» Я молчал,

потому что сомневался. Спорили так долго, что все охрипли. Но ребе Альтер сказал: «Если мы не можем все отсюда уходить и не хотим платить двести тысяч, то надо этих людей обхитрить».

Все удивились: «Как обхитрить? Мы очень хотим обхитрить!»

Ребе Альтер почесал свой выразительный нос, поднял вверх палец и сказал дельным голосом: «Мы должны задобрить полицейских хорошим отношением». – «Это что означает?» Все удивились еще больше.

Мудрый Альтер продолжал торжественно и негромко: «К синагоге есть разные пути. Можно идти через Екатерининскую улицу – это удобно – или, что намного хуже, через местечко Безлюдовку. Платить двести тысяч намного хуже, чем оставить деньги у себя. Надо приглашать этих людей в лавки и даже домой, угощать выпивкой и хорошей закуской, давать некоторые подарки. Это не насытит их алчность, но это даст нам время. А время все меняет. Если сверху летит камень, то не торопись ставить под него свою голову».

Все поразились мудрости Альтера и решили действовать по его плану, потому что этот план всем показался хорошим.

Соколов не выдержал, улыбнулся:

– Коварный план!

Маленькое жалованье

Бродский оживился:

– Конечно, вы смеетесь! И вы, ваше благородие, очень умный человек, хотя и полицейский. Я тоже теперь смеялся бы, если б не хотелось так плакать. Но тогда мы были наивными, как воробьи, которые пять минут назад вылезли из скорлупы. На другой день я встретил начальника харьковского сысканого отделения господина Сычева. Я сказал: «Милости прошу, ваше благородие, сделайте нынче же честь, зайдите к нам в гости! Доставьте радость откусать и выпить. Моя Сарра превосходно умеет делать кисло-сладкое мясо. Я приберег вам радостный сюрприз. Посмотрите на мой лапсердак. Вам может не нравиться фасон, но от материи вы глаз не оторвете. Из такого теперь в Париже модно шить. У меня для вас есть его на пальто – замечательный отрез цвета маренго».

Сычев согласился: «Приду!» – и потряс мне руку с такой силой, словно хотел оторвать ее вместе с рукавом.

Боже ты мой, чего только на стол мы не поставили, одних бутылок как на витрине у Фимы Смолина. Сычев много пил и хорошо закусывал. Отрез я отнес ему в коляску и еще обещал подарок ко дню рождения. Только смотрю, что Сычев глаз с Сарры не сводит, по мягкому месту – вот так! – рукой хлопнул, когда мимо шла. Такое нахальство, что моя Сарра сразу покраснела.

Соколов улыбнулся:

– Твоя Сарра и впрямь, видать, так хороша, что Сычеву голову вскружила!

– Это, конечно, приятно, но совершенно лишнее! Я все вытерпел, улыбался, потому как наш план начал осуществляться. Если я дружу с начальником сыска, кто посмеет деньги вымогать? Это я так думал, и думал совсем напрасно. Потому как уже через неделю, когда я с Саррой сидел за ужином, ко мне без всякого приглашения ввалился Дросинский, выпил водки две стопки, закусил тертой редькой с гусиным салом – Сарра готовит это изумительно! – и стал докучать: «Где наших двести тысяч? Стыдно, господа торговцы, посягать на чужие деньги. Мы, полицейские, получаем совсем маленькое жалованье, а вы посягаете. Если срочно не отдадите, то вас накажет Бог: начнут гореть ваши лавки, магазины и лаже дома. Нам вас очень жалко, но чем мы можем вам помочь?»

После таких неприятных обещаний Дросинский ушел, лаже не сказав «зай гезунд». Кому такие предсказания понравятся, я вас спрашиваю? Думаю, не понравятся никому. Я побежал утром в полицию, добился войти в кабинет Сычева. Тот изображает, что первый раз меня

видит. Я объяснил про все безобразия, про плащ и ребра Кугельского. Сычев затопал ногами и заорал, как городской на нищего: «Не может быть! В полиции служат исключительно честные люди, и вам, господин Бродский, все приснилось с пьяных глаз».

Что мне надо было делать? Надо было сказать «зай гезунд» и скорее бежать из этого разбойничьего вертепа. На свою погибель я этого не сделал, словно думал, что дождусь здесь чего хорошего. Но хорошее для бедного еврея бывает только на кладбище под могильной плитой. Я говорю это потому, что подполковник Сычев о чем-то задумался, посмотрел на меня хитрым глазом и сказал: «Хорошо, я вызову в этот кабинет Дросинского, буду его расспрашивать и тебе все скажу сегодня ближе к вечеру. Пусть твоя Сарра готовит фаршированную фиш».

Вроде папироски

Я побежал домой с той радостью, какую испытывает биржевик, заработавший миллион на бумагах и валюте. Я радовался, а мне надо было плакать. Я сказал Сарре:

– Этому Сычеву нужно сделать удовольствие, тогда нас никто не посмеет обидеть.

Когда я сказал эти слова, я думал одно, а Сарра все поняла так, как может понять только женщина, то есть вверх ногами.

Вечером Сарра застелила стол бархатной скатертью, которую она принесла в приданое, поставила угощение и надела почти новое шелковое платье с вырезом вот тут – на груди. Сычев пришел, выпивал, ласково, как влюбленный жених в чужую невесту, глядел на Сарру и пел: «Жид селедку запрягал в ситцевые дрожки и по улице скакал вроде папироски».

Стыдно сказать, Сарра улыбалась Сычеву, поправляла рукой грудь и подпевала эти безобразные песни.

Сычев ушел, не объяснив дела. Я стал ругать Сарру: «Вырази свою мысль, что ты начальнику сыска строила глазки и крутила широкими бедрами, будто ты не жена Бродского, а девица из заведения мадам Гофштейн? Ты жаждешь, чтобы я поседел от позора?»

Сарра мне возражала: «Сердце мое, Иосиф, не бросай черную тень на мою светлую репутацию. Ведь ты сам сказал, что мы должны Сычеву доставить удовольствие? Пусть его глаза восхищаются моими бедрами, но владеешь ими только ты один».

Я ничего не ответил, лишь сказал, что скоро пора спать.

Нежданный сюрприз

На другой день я, как всегда, в семь утра ушел в лавки – без хозяйского взгляда приказчики упрут все, даже засов, на который двери закрывают. Я должен был прийти обедать в первом часу, но по делам – надо было взять накладные – зашел в десять. Я открыл дверь и очень изумился, услышав посторонний мужской голос и веселый смех моей Сарры. Я прошел в гостиную и увидел неопишемую картину. Моя Сарра лежала на нашей кровати и весело хохотала, а подполковник Сычев щекотал лицо Сарры усами и стягивал с нее исподнее, которое в прошлом году две пары по рублю с полтиной я привез из Киева.

Глаза мои блуждали, и я готов был прикончить этих падших людей.

Пока я молчал и думал, Сычев, полный развратного нахальства, отстегнул шашку, положил ее на козетку из красного дерева и цыкнул на меня: «Зачем врываешься в дом? Уйди, пока я тебя не арестовал. Придешь через час».

Я возмутился и не стал разговаривать с этим типом. Я посмотрел на Сарру: «Зачем ты допускаешь такое?»

Сарра вздохнула, завела глаза к потолку и ничего не отвечала. Тогда я решил проучить жену. Я хлопнул дверями, пошел в трактир Бени Брайнина и не приходил домой до вечера. Все во мне клокотало. Я был готов рвать и метать. Я вернулся домой. Начальника сыска в

моем ломе уже дух простыл. Сарра валялась на коленях, ломала руки и клялась всеми моими родственниками, что у нее ничего не было с этим циником Сычевым. «Но зачем же ты лежала на постели, а этот наглец отстегивал шашку?» – так кричал я на весь квартал, и любопытные сбегались к нашим воротам со всех соседних улиц.

Сарра возмутилась: «Так это ты сам, Иосиф, приказал доставить этому типу с шашкой удовольствие! Из-за тебя полицмейстер своими сапожищами измазал новую простыню в синий горошек, что тетушка Эсфирь подарила мне на праздник Ханука. И ты еще смеешь орать на меня, словно босяк на пожаре! Тем более что промеж мною и Сычевым ничего не было».

Я отвечал: «Если бы промеж тобою и им чего было, я тебя, любимая Сарра, растерзал бы на мелкие клочки, а этого Сычева вызвал на дуэль. А теперь давай помиримся...»

Сарра поджала губки: «Сначала проси прощения!»

* * *

Впрочем, ваше благородие, я не буду надоедать вам историей, как Сарра меня простила и мы помирились.

Но дальше началось полное нахальство со стороны подручного Сычева – агента Дросинского. Он стал холить ко мне домой так часто, словно любимый родственник. Он придрался к тому, что мой приказчик Мирон продавал в мануфактурной лавке три ящика с малагой, которые я получил от Семена Кугельского за два отреза на платья его жене Бейле. Кому какое, скажите, дело, что я продаю из своей лавки? Но этот Дросинский, чтобы у него на лоб глаза повылазили, говорил: «Отдай, Бродский, штраф три тысячи рублей!» Вы слышали такое нахальство?

Как будто он просит три копейки! И когда я не отдал, потому что не было, мне подождли ночью лавку. И после этого я был вынужден отдать. Это настоящий разбой, и не было от него спасения.

Печальная история

Соколов спросил:

– А за что тебя, Бродский, посадили в тюрьму? Бродский почесал тощим пальцем за ухом, пососпел и уставился круглыми глазами на сыщика. И вдруг из этих глаз закапали крупные слезы. Дрогнувшим голосом арестант начал заключительную сцену своей драмы:

– Мы, харьковские евреи, все переругались между собой. И все это было потому, что одни говорили: «Давайте соберем двести тысяч, отдадим их в полицию, и пусть они подавятся нашими последними копейками!» Другие, и среди них был я, возражали: «Эти люди не подавятся. Они будут пить нашу кровь. Они станут вновь и вновь требовать денег еще». – «Но что делать?» – спрашивали одни. – «Нас много, они с нами не справятся. Давайте им будем обещать, но денег никогда двести тысяч не дадим».

Так продолжалось несколько недель. Я уже не знал, что делать, потому что Сычев стал ходить ко мне, как к самому себе. И все норовил прийти, когда я утром бываю в лавках. Мне об этом с гадким смехом говорили соседи, чтобы они сдохли. Я верил своей Сарре, но сказал: «Сарра, ты святая женщина, но больше не пускай в лом этого наглого Сычева».

Я даже позвал мастера, и тот поставил на дверь прочную задвижку. Но когда я приходил в неуточное время, двери были закрыты изнутри и мне их Сарра долго не открывала. Сычев вежливо со мной здоровался и уходил, оправляя шашку.

Я гневно кричал: «Ты зачем Сычеву открыла опять дверь?»

Сарра плакала и выламывала свои красивые руки: «Ты мне не веришь! Этот Сычев так стучал, что если я ему не открыла бы двери, то он разнес бы весь наш дом!»

Я сокрушался: «Уж лучше пустить в дом хищного тигра, чем этого нахального Сычева. Но что он опять тут делал?» – «Он пьет вино и читает газету. И тут, к счастью, приходишь ты, мой несравненный Иосиф!»

И Сарра начинала плакать еще сильнее, так что мое сердце рвалось на мелкие части.

Оплошность

Но зато от меня уже больше никто не требовал денег, и даже агент Дросинский прикладывал руку к козырьку, когда встречал меня на улице.

Но однажды, когда я застал Сычева у себя, он мне сказал: «Иося, ты хороший человек и ты должен меня выручить. У меня такие тяжелые времена, что мне срочно надо две тысячи рублей».

Я покачал печально головой: «Мне дешевле повеситься, чем достать такие громадные деньги». Сычев отвечал: «Повеситься всегда успеешь, но мне будет приятней, если ты дашь эти несчастные две тысячи и будешь жить долго. Тем более что через месяц я тебе отдам». – «Но как я должен дать, даже без расписки? А если, не приведи Господи, вы вдруг помрете (хотя живите сто лет!)?»

Сычев был уже сильно выпивши, поэтому опрометчиво сказал: «Но я, Бродский, тебе напишу расписку и еще заплачу за срочность громадный процент, прямо небывалый». – «Какой?» – «Двадцать процентов за месяц».

Это меняло дело. «Расписка никогда не мешает», – сказал я, и сказал это себе на голову.

Если бы знать наперед, чем мне эта расписка обернется! Мы, евреи, всегда даем в долг и всегда возвращаем в самый срок. И делаем это без всяких расписок. Но здесь был другой человек и совсем другой случай. В доме я никогда не держу больше денег, чем нужно сходить на базар. Поэтому я сказал: «Пожалуйста, приходите завтра в шесть вечера, составьте расписку по всей форме, и я лам эти деньги».

Я взял со своего счета в банке две тысячи, где они лежали под четыре процента, и отдал Сычеву, который выпил бутылку малаги урожая 1883 года, оставил расписку, сказал спасибо и ушел.

Самое простое на свете дело – дать в долг, но самое невероятное – получить обратно.

Тяжелый случай

Прошел месяц-полтора, но долг Сычев не возвращал.

И вот я опять застал его в моем доме, когда он пил из моего буфета портвейн и его отстегнутая шашка лежала на козетке. Я сказал: «Срок прошел семнадцать дней назад. Я хочу иметь долг обратно».

Сычев хлопнул себя ладонью по ляжке, похожей на свиной окорок: «Совсем забыл! Конечно, скоро отдам».

Прошло еще два месяца, и я уже стал догадываться о плохом. Я ходил к Сычеву на службу, но меня не пускали даже на порог. Я тогда подождал у полицейской части. Когда Сычев вышел со службы, я ему сказал, что пойду к полицмейстеру, покажу ему расписку и все расскажу.

Сычев мне выразился: «Если, жидовская морда, будешь жаловаться, то я тебе устрою персональную Варфоломеевскую ночь».

Он стукнул меня кулаком в нос, сел в коляску и уехал.

Уже на другой день агент Дросинский обошел самых важных евреев. Не забыл вниманием и меня. И везде он говорил одно и то же: «Отдавайте двести тысяч! Иначе за ваши еврейские жизни полиция ручаться не может, и вы скоро все в этом убедитесь!»

Теперь мы собрались в нижнем помещении синагоги. Мы спрашивали у ребе Альтера, долго говорили и не знали, что делать. Я сказал, что своих две тысячи уже отдал Сычеву, и категорически у меня больше ничего нет. Пусть остальные евреи соберут деньги и отдадут, если хотят. Кугельский орал, что вообще не надо ничего давать.

Скажу, что Кугельский был очень смелый. Он даже городовым из своего околотка редко давал деньги, а на Сычева кричал прилюдно в городском саду: «Никаких двести тысяч не получите!»

В тот раз мы так и разошлись, ничего не договорившись. И тут такое горе: я вышел в двери вместе с Кугельским. Я сказал: «Семен, мы с тобой давно дружим. Пойдем ко мне домой и посидим».

Кугельский всегда любил спорить и делать наоборот. Он и тут возразил: «У тебя сидит Сарра, зачем мы будем волновать ее разговорами? Пойдем в трактир Брайнина, пропустим по рюмке водки и разойдемся по нашим домам в дружбе».

Мы пошли в трактир, пили много водки и еще больше спорили. Покойный Кугельский орал, что акции Восточносибирских чугуноплавильных заводов выгодней Харьковского банка взаимного кредита. Я возражал.

Кончилось тем, что мы хватали друг друга за лапсердаки, нетрезво обзывались и вообще вели себя шумно. Мне все это надоело. Я надел шляпу, отдал Бене Брайнину деньги за свою выпивку и пошел. На крыльце меня догнал Кугельский, просил прощения. Я вернулся в трактир, но лишь на минуточку. Мы выпили по кружке пива, и теперь я уже окончательно ушел.

Напрасное обвинение

Бродский помолчал, повздыхал и продолжил:

– Утром меня разбудила Сарра. Она была в одной ночной рубаше и стонала: «Под окнами агент Дросинский и с ним много полицейских. Ты что, пьяница, натворил?» – «Ничего не творил. Правда, я поссорился с Кугельским. Отвори, Сарра, смело двери, ибо я ничего плохого не делал».

Когда я так наивно говорил, то забыл, что в России полицию бояться надо больше тем, кто ничего не делал, чем тем, кто делал.

Вошли полицейские и сказали, что я отравил вчера Кугельского и ограбил его.

Я думал, что все еще продолжается сон. «Как отравил?» – «Насмерть! – нахально улыбнулся Дросинский. – Куда дел награбленные деньги, часы, кольца?» – «Зачем вы говорите чепуху? – возмутился я. – Как можно убить человека из-за денег? Я этого не понимаю». – «Есть десять свидетелей, что ты, Иося, грозил его убить, когда он тебя утихомиривал в трактире. Отдавай награбленное сам, или мы найдем».

Я спокойно отвечал, хотя с этими босяками в форме нельзя быть спокойным: «Вы, господа полицейские, ошибаетесь. Я не мог отравить Кугельского. Мы свояки, друзья, да и яду ни разу в своих руках не держал. Я вчера ушел из трактира, Семен был не совсем трезвым, но вполне живым».

Тогда Дросинский, худший из всех евреев на свете, приказал: «Понятые – вперед. Начинаем обыск».

В это время пришел и сам Сычев. Он спросил на ухо: «Куда спрятал расписку?»

Я задумался: и впрямь, куда я положил ее? И не мог вспомнить. Я сказал: «Если вы, господин Сычев, принесли вернуть мне долг, то я получение выпишу вам на бланке приходного ордера. Только по вашим глазам я вижу, что вы хотите расписку, не отдавая денег».

Сычев опять сказал мне в ухо: «Отдавай расписку, иначе я тебе сделаю плохо!»

Я удивился: «Я сам не знаю, где она лежит. Куда-то сунул, не могу найти...»

Эти люди перерыли все деловые бумаги из моего письменного стола, выкинули на пол белье из ящиков, одежду из гардероба. Расписку они не нашли. Зато Дросинский, чтобы он сдох, веселым голосом заорал: «Господа понятые, смотрите сюда внимательно: вот серебряные часы фирмы „Павел Буре” на цепочке белого металла с пробой „84”, стало быть, тоже серебро. На ваших глазах вынимаю их из этой наволочки. Читайте сами, что написано на обороте: „Моему любимому сыну Семену Кугельскому к 16-летию. Папа Шмуел. 1.02.1903”», – и рассмеялся мне в лицо. – «Думал агента Дросинского провести, жид пархатый? Не вышло!»

Папа Дросинский был приличным человеком, на рынке содержал москательную лавку, а сын – выродец. Нынче это очень часто случается, когда у самых хороших родителей дети бывают просто ужасными.

Соколов внимательно посмотрел в глаза Бродского:

– Стало быть, тебе часы подложили?

Бродский окончательно разрыдался:

– Уверяю вам! Я часы не брал, у меня самого гораздо лучше, золотые. – Он посопел, почесал указательным пальцем волосатую макушку и горько вздохнул: – Если бы только эти несчастные часы! Дросинский поперся на кухню. И почти сразу заорал: «Глядите, вот коробочка с остатками мышьяка. Из нее ты, Бродский, насыпал Кугельскому. Признавайся, Иосиф, тебя мы приперли к стене!»

И тут же нашлись двое свидетелей, которые будто видели, как я сыпал страшный яд в пиво Кугельскому.

– И кто эти свидетели?

Бродский воздел к небесам руки:

– Боже, кто эти свидетели? Это не свидетели, а два уголовника, с которыми никто не пожелает встретиться на темной дороге. Фамилии их Годлевский и Ярошинский.

– А расписка обнаружилась?

– Сарра писала ко мне, что Сычев и Дросинский еще два раза приходили что-то искать, но уходили сердитые. Думаю, ваше благородие, что и прежде Сычев приходил вовсе не к Сарре, а искать расписку. Он с самого начала не собирался возвращать долг, поэтому и обещал невероятный процент.

* * *

Соколов сочувственным тоном сказал:

– В плохую историю ты, Иосиф, попал. Я тебе постараюсь помочь. Только ты мне скажи: куда ты столь хитро спрятал расписку? Если мы расписку найдем, то ты скоро ляжешь спать в родном доме под одним одеялом с Саррой.

Бродский схватился за голову, его плечи затряслись в рыданиях.

– Господи, я и впрямь не понимаю, куда она делась.

– Ты на суде все рассказал?

Бродский застонал:

– Ваше благородие, будто вы не знаете российские суды! Разбойники милосердней. Судьи слушать меня не хотели, адвоката все время обрывали. – Бродский заплакал. – Зачем я не уехал за океан, как Дешалыты, Винники, Шмаровичи, Баткины и Керзнеры? Лучше родиться нищим одноглазым негром в Нью-Йорке, чем в России евреем...

Соколов философски утешил:

– Везде хорошо, где нас нет! – и заверил: – Я постараюсь, Бродский, тебе помочь.

* * *

Соколов прошел к начальнику тюрьмы Колченко, покрутил телефонный рычаг, снял трубку и приказал:

– Барышня, дай мне 4-77. – После паузы. – Але, это губернская тюремная инспекция? Захаров, ты? Запиши за мной ссыльнокаторжного Бродского Иосифа Гиршевича, он в Центральной пересыльной тюрьме. Не отправляй пока на этап. Отношение тебе пришлю.

* * *

Вечером Соколов отбыл в Петербург.

Старые друзья

15 апреля состоялся пасхальный прием в Царском Селе. Вместе с лицами свиты Соколов принес поздравление их величествам. Государь соизволил христосоваться со знаменитым сыщиком-графом, преподнес раскрашенное яйцо, а также серебряную чарку с двуглавым орлом и надписью «Графу Ап. Соколову. Собственноручное пожалование Его Императорского Величества Николая Александровича. Пасха 1913 г.». Кроме того, государь просил сказать поклон отцу Аполлинария Николаевича, старому графу Соколову, бывшему члену Государственного совета.

На приеме присутствовал давний приятель сыщика – бывший градоначальник Москвы, а с января 1913 года товарищ (заместитель) министра МВД Джунковский. Друзья решили:

– По обычаю встретимся вечером в ресторане «Вена».

О знаменитом на весь Петербург ресторане «Вена» мне уже доводилось рассказывать. Все литературное, артистическое находило здесь приют.

Среди посетителей Соколов сразу же заметил Шаляпина, который сидел в компании вечно хмурого Горького и Леонида Андреева – жизнерадостного красавца с гривой иссиня-черных волос, пользовавшегося бешеным успехом у дам и курсисток. Шаляпин помахал рукой:

– Садитесь к нам, гении сыска!

Соколов отрицательно покачал головой:

– Не буду портить аппетит Алексею Максимовичу! Ведь опять начнем спорить...

С Горьким, который давно сблизился с Ульяновым-Лениным и помогал ему из своих громадных гонораров, у Соколова происходили постоянные стычки. Горький считал Ленина гением, который показывает путь к всенародному счастью, при этом, правда, оговариваясь, что всех буржуев, вероятней всего, придется уничтожить. Так что получалось, что счастье будет далеко не для всего народа.

Соколов, будучи лично знаком с главным большевиком, не отрицал его большого аналитического ума. Но, зная не понаслышке о тайных связях Ленина с германским правительством и планах подрыва изнутри России, полагал Владимира Ильича опасным смутьяном и террористом.

Во все стороны раскланиваясь со знакомыми, наши друзья прошли в Литераторский зал, сели на свое обычное место под образами.

Чудеса русской кухни

Вышколенные, все коротко стриженные (ради гигиены!) лакеи быстро заставили стол холодными закусками. За всем следил сам владелец ресторана Иван Соколов, бывший лакей, трезвостью и бережливостью сумевший скопить изрядный капитал.

– Извольте попробовать икру черную – наисвежайшая. Вот-с, с горячим калачиком под водку – сплошной восторг чувств! Семга и балычок-с, как всегда, самые нежные, малосольные-с. А вот, Аполлинарий Николаевич, ваш любимый салат рыбный – паризьен. И точно, наслаждение райское! Раки провансаль – брюхо просаль, самые крупные-с.

Джунковский удивился:

– Точно, по размерам не раки – животные прямо.

Ресторатор продолжал:

– А это осетрина претаньер.

– А что рекомендуешь на горячие закуски? – спросил Соколов, плотоядно оглядывая стол. После дворцового разговления у графа целый день во рту крошки не было.

Ресторатор поманил лакеев:

– Роман, Казимир, чтоб на этом столе сей миг были во всей красе горячие закуски: тарлет из дичи, канapé бекас, омары и лангустины америкен, суфле из анчоусов, крокет де валяй перегурдин. – И к гостям, с низким поклоном: – А что из супов-с, ваши превосходительства, как изволите распорядиться? Вам, Владимир Федорович, по обыкновению, уху из стерляди с расстегаями?

Джунковский лениво проговорил:

– Нет, прикажи сделать солянку сборную мясную...

– В единый миг-с! А вам-с, Аполлинарий Николаевич, излюбленное-с – солянку из осетрины? А то еще есть борщ «Царский», рассольник с курицей «Принцесса Анна», лапша с потрошками...

Соколов махнул рукой:

– Хватит, Иван Григорьевич!

Ресторатор с настоящей угодливостью продолжал:

– А на рыбное горячее от нашего заведения вашему столу, как всегда-с, «Граф Соколов» – стерлядь паровая на шампанском, фаршированная крабами, черной и красной икрой-с!

Лакей разлил по рюмкам из запотевшей бутылки смирновскую водку – «Столовое вино № 31».

– Приятного аппетита!

Азарт

Джунковский поднялся:

– Первую, как заведено, за благополучие и процветание его императорского величества Николая Александровича!

Соколов крикнул:

– Ура, ура, ура!

Друзья с аппетитом выпили, закусили.

Малость насытившись, Соколов рассказал о нечаянной встрече в пересыльной тюрьме с Бродским. Джунковский жевал, внимательно поглядывал на сыщика. Утерев уста матерчатой салфеткой, спросил:

– Не врет ли? Точно ли оговорили этого Бродского?

– У меня создалось твердое убеждение, что это дело выдумали харьковские сыщики.

– Зачем им такой риск? А если бы разоблачили их?

– Риск им показался невеликим, Владимир Федорович. Действительно, сколько ни писал этот Бродский жалоб, на них даже ответы не пришли. Да и вообще неизвестно, вышли жалобы из стен тюрьмы или их выбросили в корзину с мусором? Да и кому нужны они, эти жалобы? Кассационная комиссия завалена ими. Не только опротестовывать решения суда – читать жалобы некогда. А тут страшное преступление: еврей отравил человека, лома у него обнаружили вещественные доказательства преступления – яд, украденные часы. Какие уж тут основания для протеста!

– С этим, Аполлинарий Николаевич, я согласен. Но ты не объяснил мне цель, какую преследовали харьковские пинкертоны, сажая в тюрьму якобы безвинного Бродского.

– Во-первых, запугать других, обложенных данью. Во-вторых, Сычев теперь может без помех посещать богатую красивую даму, оставшуюся до седых волос без компании с законным супругом. И не отдавать долг – две тысячи.

Джунковский отложил серебряный прибор, задумчиво побарабанил пальцами по краю стола.

– Даже не верится, что подобное возможно! – Заглянул в лицо сыщика. – Аполлинарий Николаевич, займись этим делом, раскрути его. Хотя... – опять постучал пальцами, – хотя думаю, что доказать невиновность Бродского будет ох как тяжело. Ведь все против него!

А главное, тебе придется состязаться в хитрости не с глупыми воришками, а с опытным, знающим все законные и противозаконные уловки начальником сыскальной полиции. Возьми с собой толковых людей и выезжай в Харьков.

Соколов широко улыбнулся:

– Владимир Федорович, я поеду в Харьков один. Трудно? Но это лишь увеличивает мой азарт.

– Что ж! Выпьем за твой грядущий триумф, гений сыска. Поверь, буду молиться за тебя. Друзья обнялись.

Божественный Шаляпин

На эстраде знаменитый Василий Андреев дал знак, и «Великорусский оркестр» грянул «Боже, царя храни!». Зал дружно поднялся и запел:

Боже, царя храни!
Сильный, державный.
Царствуй на славу, на славу нам.
Царствуй на страх врагам.
Царь православный...

Волшебный голос Шаляпина не затерялся в этом могучем хоре, звучал с небывалой мощью, трогая до слез чарующей прелестью.

Лакеи на громадном подносе в роскошном оформлении лангустами и зеленью несли крупные фаршированные стерляди – «Граф Соколов».

Гостеприимный Харьков

Поезд несся к губернскому городу Харьков. За окном мелькали тщательно возделанные поля, побеленные к Пасхе стены мазанок, стоящие на высоких местах церкви с золотыми куполами, цветущие сады, стада коров. И повсюду работающие крестьяне в самобытных, цветастых одеждах.

Сыщик тщательно обдумывал план действий. Вариантов было несколько. Соколов усмехнулся: «Никто в одиночку не вызвался бы распутывать такое дело! Местные пинкертонеры делают все, чтобы спрятать концы в воду. Страх перед наказанием заставит их пойти на крайние меры. Какие? Пока не ведаю. Впрочем, у меня есть преимущество – внезапность. Ведь этот Сычев с подручными никак не ожидает ни нового следствия, ни тем более моего приезда. Вот и схлестнемся, посмотрим, кто кого!»

Сыщик в предвкушении захватывающих событий улыбнулся и азартно потер ладоши.

* * *

Солнце уже клонилось к горизонту, когда извергающий клубы шипящего пара, сотрясая голубой эфир короткими веселыми гудками, поезд последний раз лязгнул буферами и остановился на харьковском перроне.

Соколов ловко преодолел густую вокзальную толпу. Его чемодан тащил пахнувший чесноком и перегаром носильщик. Посапывая, он на ходу уговаривал:

– Барин, ежели в гостиницу, так лучше «Большой Московской» не бывает. Чтоб мне на этом месте треснуть! И езды – что рукой до...

Соколов вспомнил: путеводитель рекомендовал именно «Большую Московскую» как «самую дорогую, но весьма комфортабельную, с вежливой прислугой, с рестораном, в котором отличные повара».

Носильщик, оказавшись на широкой привокзальной площади, заорал:

– Ей, Пармен, давай сюды! – За каждого клиента он получал чаевые от владельцев гостиницы. – Позвольте, ваше благородие, поклажу в коляску водрузить.

И вас посадить-с! Спасибо за денежную награду, пошли вам Святая Богородица того, чего хочется.

* * *

Соколов взял люкс – за пять рублей в сутки. Он сделал небольшую силовую гимнастику, принял душ, побрился и, по обычаю, тщательно одевшись, вышел на улицу.

Он держал путь к начальнику сыскного отделения.

Именины сердца

Сычев оказался упитанным и веселым до развязности мужчиной сорока лет. Смолodu он служил в конной гвардии и даже достиг подполковничьего звания. Но потом у него произошла какая-то история с супругой командира полка. В результате всех этих романтических событий Сычев получил от командира по морде и увольнение с военной службы.

Вернувшись в родной Харьков, бывший конногвардеец нашел применение своей энергии в сыскной полиции. Вверенную ему территорию он рассматривал как поверженный вражеский город, в котором все принадлежит ему, Сычеву: и добро в лавках, и жены обывателей. И хотя по новой службе мундир и пашка ему были не положены, Сычев для пущей важности носил то и другое. По отношению к подчиненным и просителям он держался очень строго.

Увидав в своем кабинете Соколова, одетого в штатское платье и вошедшего без доклада дежурного, он раздул щеки и грозно выкрикнул:

– Кто р-разр-решил? Чего пр-решься без доклада? Соколов невозмутимо отвечал:

– Я на тебя, Сергей Фролович, без доклада еще и наручники нацеплю.

Сычев на мгновение остолбенел, но тут же выскочил из-за стола, сжимая кулаки и готовый броситься в драку. Однако, выяснив, что перед ним стоит порученец товарища министра, да к тому же сам знаменитый Соколов, ослабил зубастую пасть:

– Нет, в такое счастье верить невозможно! Вы, граф, простите мою горячность. Служба, сами знаете, беспокойная, каждая рвань норовит досадить. Виноват-с!

– Ничего, я не обиделся!

– Коллега, ваш приезд, как говорил покойный Гоголь, такая радость, прямо именины сердца!

И Сычев от полноты чувств собрался было хлопнуть гостя по плечу. Однако под леденящим взглядом Соколова рука повисла в воздухе. Сычев подергал себя за ус и крякнул.

– Оченно приятно! Эй, Фроленко, никого не пускать! – Повернулся к Соколову: – Разрешите, граф, величать вас по имени и отчеству?

– Разрешаю.

– Аполлинарий... э-э...

– Аполлинарий Николаевич!

– По доброму русскому обычаю, Аполлинарий Николаевич, позвольте распорядиться насчет обеда. – Сычев выразительно щелкнул себя пальцем по горлу. – Покушать после трудной дороги – дело разлужезное.

– Не хлопочи...

Соколов с удовольствием заметил, что Сычев изрядно разволновался. Приезд столь важного гостя его явно встревожил: слишком много грехов водилось за начальником сыска, слишком много жалоб на него отправляли обыватели. Правда, приятель-почтмейстер такие жалобы в общей корреспонденции вылавливал и передавал Сычеву, но это никак не гарантировало спокойствия. Сычев судорожно налил и махом выпил стакан зельтерской воды. Взглянул из-под кустистых бровей:

– Аполлинарий Николаевич, вы где остановились? В «Большой Московской»? Если желаете, можно у меня дома. Места много, я человек одинокий! Служанка из себя, хе-хе, хоть на парижскую выставку.

– Не стоит беспокойства, Сергей Фролович. Служанка тебе пригодится для собственного употребления. Как процветаешь в богоспасаемом граде Харькове?

Сычев малость подумал и затараторил:

– Забот много! Покрасили фасад губернской тюрьмы, заставили самих заключенных. Ловко? Устроили в тюрьме мебельную мастерскую – плетеные кресла, парты для гимназий. Хотя это вовсе не наша прямая обязанность. – Сычев долго рассказывал про свои замечательные успехи, про местных жуликов, аферистов, фармазонов, про их исключительную хитрость. Наконец закончил: – Но мы, себя не жалея, без отдыха и сна преступников ловим.

Романтическая история

Гений сыска молча уперся взглядом в Сычева.

Тот заерзал в кресле. На его физиономии ясно читалась мысль: «С чем приперся этот столичный ферт? Случайно? Или чего пронюхал? В любом случае следует задобрить».

Соколов насмешливо сказал:

– Наслышан про твои героические подвиги! Опасного убийцу Бродского на каторгу отправил.

Сычев запыхтел, как перестоявший под жаром самовар:

– Как же, очень опасный тип. Ничего святого нет у этого гнусного народца – отравить собственного товарища, ай-ай-ай! А вроде бы вполне обеспеченный, репутация солидная... Ну и нравы!

Соколов решил: «Тертый калач! От такого можно ждать любой каверзы».

Сычев вновь заговорил:

– Там история романтическая. Убитый, по фамилии Кугельский, имел амурную связь с Саррой, супругой Бродского. Убитого понять можно: Сарра очень хороша собой, нравов вовсе не ветхозаветных, – рассмеялся, – а самых передовых, эмансипированных. Бродский, когда прознал про измену, понятно, возмутился и на почве ревности его и того, отправил к праотцам.

Соколов иронично покачал головой:

– Ах, Отелло Харьковской губернии!

– На почве ревности многие преступления совершаются. Тут прочитал в «Полицейском вестнике» замечательную статью, автор пишет о преступниках «по страсти». Повышенное половое влечение часто толкает на преступления. Помню, у нас в полку... – На мгновение задумался, махнул рукой. – Впрочем, к делу это не относится. О чем говорить? Бродский сам во всем признался. И яд у него нашли. И часы Кугельского. Подлец, одним словом!

Соколов хитро прищурился:

– Стало быть, и ты, Сергей Фролович, был на волоске от смерти?

Сычев выпучил глаза:

– То есть?

– Ты ведь тоже пользуешься у Сарры успехом.

Сычев на мгновение смутился, зачмокал губами, но решил последнюю реплику пропустить мимо ушей. Он лишь с самым глубокомысленным видом повторил:

– История романтическая, да-с! Трудно в нее поверить, но двое свидетелей видели, как Бродский насыпал в пиво Кугельскому белый порошок, а сам после этого быстро ушел из трактира. Несчастный выпил пиво, вскоре начались резкие желудочные боли, изо рта пошла пена и – летальный исход.

Соколов вопросительно поднял бровь:

– Так как же Бродский мог похитить с мертвеца часы, если он ушел прежде, чем Кугельский умер?

Сычев невозмутимо продолжал:

– А может, он часы прежде взял – поносить, а отравил, чтобы не возвращать? Эх, Аполлинарий Николаевич, это такой народец ушлый, что его и не поймешь – пройдохи.

– Скажи, Сергей Фролович, зачем богатому человеку рисковать ради какого-то пустяка – часов?

Сычев помахал пальцем:

– Нет, Аполлинарий Николаевич, не знаете вы этих прохиндеев. Они чем богаче, тем жаднее. И потом, как я заметил – чувство ревности толкает на самые мерзкие поступки, на кровавые.

Соколов усмехнулся:

– Говоришь, двое свидетелей? И фамилии свидетелей – Годлевский и Ярошинский? Так?

Сычев не смутился, напористо ответил:

– Они самые, а что?

– Фигуры очень непристойные. Первый три раза сидел за воровство, второй отбыл семилетнюю каторгу за грабежи.

– Ну и что? У них неприязненных отношений с Бродским не было, их показания заслуживают доверия. Сам Бродский куда отвратительнее их обоих.

Соколов расхохотался:

– Но деньги у него ты не брезговал брать! Не ошибаюсь?

Сычев шумно задышал, раздул щеки:

– Какие деньги? Чтобы я, кавалерийский подполковник, у какого-то торговца стал деньги брать? Никогда!

- Неужто запамятовал? Две тысячи – это большие деньги. И расписочку давал. Сычев сидел, потупив взор в пол, стиснув зубы. Нервно дернул головой:
- Поклеп, оговор! Это Бродский нарочно сочинил, клеветник позорный.

Упорное запирательство

Соколов продолжил самым ласковым голосом:

- Сергей Фролович, бери лист бумаги и пиши объяснительную записку.

Сычев упрямо помотал головой:

- Не брал! И писать не буду.
- Вот как? Не хочешь признаться в малом?
- Не в чем признаваться.

Соколов задушевно продолжал:

– Нет, не уважаешь ты меня, Сергей Фролович, совсем ко мне не испытываешь ни почтения, ни страха. И напрасно! Тогда тебе придется отвечать за вымогательство двухсот тысяч и за прочие художества. Это я тебе обещаю.

Сычев так и подскочил в кресле, театрально взмахнул руками и выпучил глаза:

- Каких таких двухсот тысяч?

– Потерял память? Бедняга! – Вздохнул. – Неужто лечиться на Сахалин поедешь? Жалость какая! Ведь еще и лишат всех прав состояния.

- Одни ваши фантазии!

– Видит Бог, я не кровожаден. Последний раз говорю: одумайся, не запирайся! Ведь ты такой мужественный, такой прямой и честный. Лай, к примеру, тебе два-три эскадрона, да ты впереди всех понесешься на боевом скакуне, первым влетишь с шашкой на вражеские бастионы. Чего здесь ты трусишь? А? Обещаю: если будешь мне помогать распутывать это дело, сделаю все возможное, чтобы облегчить тебе участь. Ну?

Сычев долго молчал, громко сопел. Наконец, твердо что-то решив, взмахнул от груди рукой, сказал, как отрезал:

– Ничего не знаю, ничего не ведаю: денег у этого пархатого Бродского не брал, расписки не писал. И про двести тысяч не слышал. Это мои завистники клеветуют.

- Это какие завистники?

– Будто сами не знаете!

- Я-то знаю, но хочу проверить! Об одном и том же мы говорим?

– Клеветники эти – мой бывший помощник Шанларук и бывший агент Заманский.

- Бывшие? Стало быть, ты выгнал их со службы?

– А что, я чай пить с ними должен? Все-то вы на меня клеветаете. Интриги! Я чист как стеклышко. За ваше самоуправство еще ответите!

Соколов поднялся на ноги, отчего головой вознесся высоко над собеседником, резко перейдя на ледяной тон, сказал:

– Что ж ты, «стеклышко», объявил мне войну? Видимо, в силу провинциальной ограниченности ты, Сергей Фролович, плохо представляешь, с кем решил единоборствовать. И переоценил свои возможности. Теперь пощады от меня не жди.

- Я завтра утром должен по делам службы ехать в Луганск.

– Завтра утром, ровно в десять, ты будешь отвечать на мои вопросы. Взять с тебя подписку о невыезде?

- Нет, не надо. Но у меня есть начальство...

– Полицмейстера и губернатора я поставлю в известность. Но не вздумай мешать следствию, давать плохие советы Годлевскому, Ярошинскому и прочим соучастникам. Я ведь быстро все прознаю.

– Какие советы?

– Не смущай их советами: «Срочно сматывайтесь из города, пока этот Соколов тут. И ни в чем не признавайтесь».

Соколов подумал: «Два-три филера и впрямь не помешали бы, проследил бы сейчас этого дядю».

Сычев запыхтел:

– Коллега, вы меня прямо держите за какого-то жулика. Обидно все-таки!

– Обижайся сколько хочешь, но тебе, Сергей Фролович, водить меня за нос нет резона. Обман дорого обойдется. Если Ярошинского и Годлевского в городе не окажется, обещаю: тебя повезут в Москву в кандалах, со срамом. Или сразу в реке утоплю – без суда и следствия.

Сычев изобразил из себя оскорбленную невинность.

– Как же так! – Почесал за ухом, почмокал губами. – Коллега, можете на меня положиться: и Годлевский, и Ярошинский встретятся с вами. Если вы в них сомневаетесь, так мы ихние души вытряхнем.

Соколову такая перемена в настроении начальника сыска понравилась. Он с удовольствием произнес:

– Вот и молодец! Теперь вижу – государственный ум у тебя, Сергей Фролович.

Сычев с энтузиазмом продолжал:

– Коли позволите, приеду прямо к вам в гостиницу.

Соколов кивнул:

– Договорились!

Они вышли из подъезда вместе.

Сычева ждала коляска, запряженная двумя холеными рысаками, нетерпеливо перебиравшими ногами.

– Прикажете подвезти?

– Нет, прогуляюсь!

Начальник сыска, тяжело накренив коляску, влез в нее и, нагло ухмыляясь, неожиданно весело помахал рукой гостю:

– Счастливого пребывания в Харькове!

Он умчался, подымая столб пыли.

– Да, от этого типа можно ждать любой гадости! – сказал себе Соколов.

У начальника харьковского сыска и впрямь созрел план – коварный.

Под железной крышей

Соколов, вызывая своей персоной всеобщее любопытство, не торопясь направился к Сарре Бродской, урожденной Сандлер.

Она жила недалеко от сыскальной полиции, на главной улице города – Сумской, в доме отца – высоком двухэтажном, на каменном, тщательно оштукатуренном цоколе, крытом железом и обнесенном высоким забором.

Когда пришел Соколов, Сарра громко распорядилась двумя молодыми служанками. Те, подоткнув полы и вызывающе показывая обнаженные бледные ляжки, согнулись в соблазнительных позах, возделывая клумбы под цветы. Еще один работник – крепкого сложения мрачный мужик, в сапогах на длинных ногах, в кепке с маленьким лакированным козырьком и с высокой тульей – такие любят носить местечковые евреи, не вынимая изо рта козью ножку, – сидел на корточках и ожесточенно стучал большим молотком по битым кирпичам. Он вгонял их в жирную сырую землю, придавая форму клумбам.

Сарра оказалась пухленькой, с маленьким сочным ртом, красивым овалом лица молодой женщиной. Ее крупные, чуть навывкате глаза с явным и далеко не платоническим интересом

разглядывали гостя. На Сарру было надето шелковое платье с яркими цветами, и это платье обтягивало ее обильное тело, подчеркивая его прелести.

Она обрадовалась гостю. С излишней любезностью стала объяснять:

– Я дуже цветы люблю. Другие вишнею, яблонями засадят, потом на базар торговать несут. А я – натура нежная, не могу жить без цветов. На маленьких клумбах сажаю георгины и розы, а вот на этой дорожке, что ведет к крыльцу, разные – тюльпаны, флоксы, ирис.

– Очень поэтично! – согласился Соколов. – Сразу на память стихи Константина Батюшкова приходят:

Ни вьюги, ни морозы
Цветов твоих не истребят.
Бог лиры, бог любви и Музы мне твердят:
В салу Горация не увядают розы.

– Какие замечательные вирши! Проходите до дому, пан Соколов! – радушно сказала хозяйка. Она плотоядно взирала на атлета-красавца. – Как раз вечерять будем.

Они направились к дому. Вдруг Сарра остановилась, строго обратилась к служанке:

– Хана, ты для чего сыплешь семена травы на дорожку, их все равно затопчуть! – Перешла на идиш, что-то строго выговаривая. Затем повернулась к гостю, улыбнулась и сказала извиняющимся тоном: – За всем треба глаз, никто не хочет працюваты, но все хотят кушать и получать много грошей. Без моего Иоси совсем погано стало. Слуги ленятся, приказчики – пройдохи. Ось сюды, пане Соколов, в эту дверь, будь ласка! Головку о косяк не ушибите, мужчина вы такой гарный, видный.

* * *

Сыщик вошел в гостиную. За ним торопливо стучала каблукками Сарра.

Стены были увешаны фотографиями. На подоконнике стояли герань и фикусы. Прогретый дневным солнцем воздух был сух и напоен запахом каких-то трав. Тяжеловесная, прочная мебель пахла кожей. В кабинете рабочий стол Иосифа был придвинут к двум небольшим окошкам, в которые широкими потоками лился желтый сухой свет. Палисандровый шкаф был набит энциклопедическими томами Ефрона и Брокгауза.

Сарра указала на громадное кресло:

– Вам, пане Соколов, тут будет удобно? Тогда сидайте себе на удовольствие. – И она, взмахнув платьем и обнажив полные щиколотки, манерно опустилась в кресло напротив.

Соколов сказал:

– Я хочу разобраться в тех делах, что творятся в вашем городе. Кстати, Иосиф выглядит хорошо, прислал вам привет!

Сарра сложила губы сердечком:

– Боже мой, вы зовсим недавно бачили моего бедного Иосю? Мне очень жалко его. Он пишет такие грустные письма...

– Уж какое веселье – сидеть в тюрьме.

– Це гарно, что Иосей интересуются такие великие люди, как вы, пан Соколов. Мне так тяжело без Иоси! Целый большой дом на моих женских руках. Скажите, Иосю могут выпустить из тюрьмы пораньше, скажем к осени? Я думаю, что да, могут. Мало ли бандитов разгуливает по улицам, а Иося такой хороший, мухи не обидит. Почему он должен сидеть, когда другие не сидят?

Соколов отвечал:

– Наверное, потому, что других не обвиняли в том, что они сыпали в чужие рюмки мышьяк.

Сарра ногтями застучала по краю стола.

– И вы так думаете, что это Иося насыпал? Он, конечно, ревновал меня к Кугельскому, но я очень сомневаюсь.

В тоне хозяйки откровенно звучала наивная гордость: это все-таки приятно, если ради твоей женской красоты бушуют такие страсти. Сыщик исподволь продолжал:

– Но у вас в доме нашли отраву.

– И что? – Сарра встала на носки, задышала в ухо Соколову: – Полицейские во главе с этим поганим Дросинским, у которого из ноздрей торчат волосья, еще два раза все бебехи перерыли в доме, даже в сарай лазили.

Соколов поднял бровь:

– Что искали? Золото?

– Безусловно что нет! Из золота в доме был только характер Иоси. – Оправила платье. – Если вам сказать правду, так после этих обысков у меня кольцо пропало. Такое, знаете, с изумрудом. Но до кого жаловаться? На полицию? Так это себе обойдется еще дороже. Я уже пережила, говорить об том не хочу.

– Так что искали, деньги?

– Мы с Иосей все держим в банке Моисея Бедерского. Я спрашивала: «Зачем вы здесь нюхаете?» Но Дросинский молчал, Сычев не отвечал. Вы себе можете разуть, вытряхивали все бумаги мужа из стола, книги все между страниц листали, на стриху, ну, на чердак лазили – пыль подымали, под карнизы руки запускали, старинные сундуки выворачивали. Половицы и плинтусы отрывали, стены ощупывали. Стулья и столы ножками вверх перекидывали. В пианино и в погреб залезали. Но они не находили, оба раза уходили злыми. – Сарра наклонилась к Соколову. От нее сильно пахло духами «Царский вереск». – Потом Дросинский сказал мне: «Шукаем расписку, отдай ее». Ведь Сычев занял у мужа двух тысяч рублей.

– И что вы ответили Дросинскому?

– Я ему усмехнулась: «Боже мой, вы думаете, что я буду требовать эти деньги! Хай я загубыла две тысячи, но связываться с такими страшными людьми презираю».

– Куда Иосиф мог спрятать расписку?

– Скажу, что я сама ее шукала. Думаю: раз она полицейским так нужна, то это Иосе во вред. Лучше я уничтожу ее. Но не нашла. Мабудь, Иося ее где-нибудь потерял? Маленькая бумажка, знаете... Положил куда-нибудь.

– Сарра, если вы уничтожили расписку, то доставили большую радость Сычеву – он мечтает об этом же.

– Так это радость, что я не нашла ее!

Она подошла к высокому, под потолок, зеркалу, которые ставят в богатых прихожих, внимательно и с любовью посмотрела на себя, поправила локон на лбу.

Соколов задумчиво прошелся по комнатам, заглянул в прихожую, на кухню, в спальню, вернулся в кабинет. Он хотел понять: где расписка? Куда Бродский мог положить ее, что даже сыщики не обнаружили? Решение не приходило.

Сарра с любопытством глядела на гостя.

Появилась горничная Рива – крошечная девушка с высоким узлом густых темных волос на макушке, блестящими глазами-вишенками, в белоснежном переднике:

– Снедать подано, милости прошу!

Озарение

Сарра оказалась хозяйкой гостеприимной. Помахала рукой, словно полоскала белье:

– Пан, разрешите подложить вам оливки! Вино какое обожаете? Рива, налей дорогому гостю горилки! А вот миндаль и фисташки. Закуска самая добрая – для аппетита. Боже мой, вы любите жгучий перец? Як это мне приятно слышать! Мой Иося тоже любит – он целиком ест их. Угощайтесь рубленой печенкой с цибулей – замечательная закуска. Правда, вкусно? – Вдруг громко крикнула: – Рива! Готова красная похлебка?

Горничная Рива тут же внесла большую фарфоровую супницу.

Сарра белозубо улыбнулась:

– Пан Соколов, вы любите красную похлебку?

Соколов, погруженный в свои мысли, несколько рассеянно отвечал:

– Как не любить блюдо, ради которого спорили библейские Иаков и Исава?

Сарра в восторге хлопнула в ладоши, вся расцвела:

– Вы знаете такую тонкость еврейской кухни? Сегодня у нас прекрасное субботнее блюдо – баранина с перловой крупой. У вас есть жинка? Скажу для нее рецепт: баранину треба взять с плеча и порезать кубиками. Потом пусть жинка возьмет две большие луковицы, морковь или картофель, стакан перловой крупы, пять стаканов кошерного бульона. Ах, какая глупость! Зачем вам кошерный? Перец молотый черный, две ложки оливкового масла, и все это вместе со сковородкой поставить в горячую печь на двенадцать часов...

Соколов слушал эти кулинарные советы вполуха. Сведя у переносицы брови, он напряженно думал об одном: «Где искать расписку?» Сыщик вдруг поднялся, сказал оторопевшей Сарре:

– С вашего позволения, я пройду в кабинет мужа! Мне надо посмотреть его бумаги.

– Бога ради! – воскликнула Сарра. – А мы с Ривой накроем стол к чаю.

* * *

Техника обысков еще лет сто назад была разработана в совершенстве. Сыщики знали, у кого, когда, как, что и где искать. В методических пособиях, опубликованных еще на заре XX века и успевших стать антикварными редкостями, давались важные советы:

«У людей вырабатываются профессиональные привычки, переходящие в автоматизм действий. Так, не давая себе в этом отчета, человек в известных случаях поступает согласно выработанным годами навыкам и привычкам.

Это замечается и при прятании предметов с целью сокрытия от чужих глаз. Так, столяр будет прятать мелкие предметы в мебель или под полом, каменщик замурует в стену, библиотекарь или любитель чтения спрячет в книги, фотограф – в темной комнате, бухгалтер или счетовод скроет среди деловых бумаг и т. п.

Надо знать, что хорошо спрятать вещь – это вовсе ее не прятать. Как, спросите вы? Поскольку предполагается, что искомая вещь спрятана в укромном месте, оставляют ее на виду. Подобные приемы встречаются у людей с противоположными характерами: это или наиболее хладнокровные, или люди рассеянные, забывчивые».

Соколов все это хорошо знал. Как и то, что упомянутые приемы могут проходить только у бестолковых и нерадивых сыщиков.

Размышляя над таинственным исчезновением расписки, он все это принимал в расчет.

* * *

Соколов быстро подошел к большому письменному столу. Один за другим он стал вынимать ящики. Под нижним он увидел небольшой, чуть смятый клочок бумаги. Сыщик счастливо улыбнулся: «Вот оно!» Разгладил бумагу, прочитал:

«Я, нижеподписавшийся Сычев Сергей Фролович, дворянин, начальник Харьковского сыскного отделения, занял у мещанина Бродского Иосифа Гиршевича денег две тысячи рублей за двадцать процентов сверх названной суммы, сроком вперед на один месяц, то есть до 5 августа 1912 года, на которое должен всю ту сумму сполна заплатить. А буде чего не заплачу, то волен он, харьковский мещанин Бродский, просить о взыскании и поступлении по законам. Отставной подполковник *С. Ф. Сычев. 5 июля 1912 г.*».

Часы гулко пробили одиннадцать.

В окно, поверх шелковой занавески, глядело южное ночное небо, усеянное крупными звездами.

В губернском Харькове обыватели давно потушили керосиновые лампы и легли спать. Лишь суетились извозчики: вот-вот должен начаться театральный разъезд. В ресторанах, кафе, трактирах меняли скатерти, обновляли цветы на столиках: скоро залы заполнятся гуляющей публикой.

Соколов положил расписку в карман и прошел в столовую. Сарра заканчивала сервировать стол. Рива внесла большой, пыхтящий паром самовар. Приятно пахло горьким дымком.

Соколов галантно раскланялся:

– Очаровательная хозяйка, большое спасибо за гостеприимство. Мне, к сожалению, пора идти.

Сарра пальчиком провела узоры на рукаве сыщика, томно уставилась глазами-маслинами:

– Вы хотите бросить скучать одинокую даму? В кабинете Иоси я постелю диван, а?

Соколов благодарил кивком, а руками сделал неопределенный жест, который мог означать что угодно – от «очень польщен» до «не испытываю такого желания». Вслух сказал:

– Сударыня, дела ждут меня!

– Так приходьте завтра, а?

– Обязательно буду!

Соколов отправился в гостиницу.

Уже вскоре он спал крепким сном человека, честно выполнившего свой служебный долг.

Ранний гость

Утром Соколов проснулся от птичьего гомона, несшегося в распахнутые окна.

Сыщик выглянул в парк. На лиловом черноземе дружно пробивалась изумрудная трава. Кусты и деревья развернули клейкие пахучие листочки, на которых играли блики солнца. Небо было чистым, предвещая прелестный весенний день, полный молодого солнца и ласкового тепла.

В дверь раздался стук. Сыщик услышал голос Сычева:

– Коллега, не проспите Царствие Небесное!

Сычев ввалился шумный, пахнувший перегаром. Он уже успел заглянуть к Сарре, с тревогой спросил: «Что, москаль нашел расписку?» Сарра отрицательно покачала головой. Это его несколько успокоило. Теперь Сычев протянул Соколову руку:

– Рад видеть вас, Аполлинарий Николаевич! Моя коляска ждет внизу. Нынче все-таки воскресный день! Так что сопряжем полезное с приятным: и в парной бане отдохнем, гульнем и потом этих прохиндеев – Ярошинского и Годлевского – допросим. Они все у меня выложат, паразиты!

– Хорошо, жди меня в коляске!

Соколов проделал небольшую зарядку. Затем, стоя под душем, он размышлял: «Этот тип явно что-то задумал, это видно по его лукавой морде. Что ж, это очень интересно: что выкинет этот плут?»

Соколов оделся и сбежал вниз по мраморной лестнице, застеленной мягкой ковровой дорожкой. Он ощущал себя шахматистом, с любопытством и нетерпением ожидающим хитрого хода противника.

Под покровом ночи

Сычев действительно приготовил для столичного гостя некую ловушку.

Еще накануне вечером Сычев приказал извозчику:

– Отвези меня к «Де Ламитье»!

Извозчик просьбе не удивился, дернул вожжи:

– Н-но, пошли!

На Екатеринославской улице он остановился возле двухэтажного кирпичного здания под номером шесть.

В свете электрического фонаря можно было прочесть вывеску: «Фотография Де Ламитье». Все окна и витрины были закрыты деревянными ставнями. Здесь фотографом был некий Зильберштейн. Он порой выполнял заказы бандитов и полицейских. Для них он делал в борделе мадам Гофштейн порнографические снимки и в этом искусстве достиг замечательного совершенства.

Вскоре послышались торопливые шаркающие шаги, кашель:

– Чего треба?

– Открывай, старый хрен! – Сычев еще раз долбанул ногой дверь.

Загремел тяжелый засов, дверь распахнулась. На пороге, держа свечку, стоял в пижаме всклокоченный мужик лет сорока с крупными пейсами. На нем были люстриновая шапочка, сдвинутая к уху, и огромная черная борода. В колеблющемся свете отразились большие навывкате глаза, полные испуга.

Сычев не успел открыть рот, как фотограф повалился в ноги.

– Вы уже все знаете, ваше превосходительство! – запричитал фотограф, на всякий случай возводя Сычева в генеральский чин и хватая его за сапоги. – Только вины моей в этом деле нет. Я говорил Свенцицкому: «Унеси прочь эти цапки!», но он их просил спрятать.

Сычев не растерялся:

– Быстро давай цапки! А этого Свенцицкого завтра же отправлю на каторгу.

Они вошли в комнаты.

Фотограф прошаркал к подоконнику, взял горшок с геранью, поднял растение и достал из горшка тряпичный мешочек:

– Вот, ваше превосходительство! Это он в Киеве взял витрину ювелирного магазина Маршака.

Сычев артистически изобразил гнев, надул щеки:

– А где остальное?

– Сдохнуть мне, не знаю!

– Я с этого проходимца шкуру сниму, опять отправлю его в тюрьму. – Спрятал мешочек с бриллиантами в карман, сказал: – Слушай, Самуил, у меня к тебе поручение государственной важности.

Зильберштейн заторопился:

– Сидайте на креслице...

Сычев изложил суть дела.

Зильберштейн слушал, покачивая головой. Когда Сычев закончил речь, фотограф самым деловым тоном произнес:

– Моментальные снимки я сделаю высокого качества, у меня есть анастигматический объектив и высокочувствительные пластины «Мэрион». Но, Сергей Фролович, моментальные снимки можно делать только при хорошем освещении и со штатива.

Сычев успокоил соратника:

– Освещение там хорошее, если, конечно, солнце будет. – Подумал, добавил: – Хорошее или плохое, а ты, Самуил, снимки мне сделай! Иначе, – сжал кулак, сунул его в нос фотографу, – иначе... отправлю в тюрьму как подельщика этого, как его, Свенцицкого. Собирайся, сейчас на место тебя и отвезу. Приедешь, приготовься, наладь свою аппаратуру. Ярошинский тебе поможет, отверстие в стене нужное проделает и замаскирует.

Фотограф вытаращил глаза:

– А когда я спать буду?

– Когда тебя в тюрьму посажу, – пошутил Сычев. – У меня на каждого еврея несколько статей найдется, а ты вообще разбойник натуральный, бриллианты ворованные прятал.

Фотограф вздохнул. Он понял свою промашку, на которую толкнул его извечный страх. Но дело было сделано. Он побежал одеваться.

Через пять минут они влезли в коляску и растворились в ночной темноте.

К утру воскресного дня для гения сыска ловушка была подготовлена.

Осталось ее захлопнуть.

Прогулка

Извозчик, молодой крестьянский парень с вздернутым веснушчатый носом, погонял пару шустрых лошадок.

Соколов с интересом разглядывал старинный город, его разномастное население, вывески на невысоких провинциальных домишках, парочки влюбленных, толпившихся возле синематографа, городских, стоявших на углах улиц. Гений сыска молчал.

Сычев суетливо произнес:

– Это небольшой хутор, за чертой города. Ехать следует мимо Екатерининского дворца!

Соколов спросил:

– Ярошинский там живет?

Сычев замахал руками:

– Как можно! Это – «кукушка», полицейская конспиративная квартира, так сказать, для свиданий конфиденциальных, хе-хе.

Проехали по Конторской улице. Вдруг потянуло пьяным запахом хмеля и солода.

– Это пивной завод Даниловского, – объяснил Сычев.

Миновали городской рынок, выехали к красавцу с богатой лепниной и колоннами – Екатерининскому дворцу. Миновали еще несколько улиц. Наконец показались приземистые, вполне деревенские избушки и мазанки окраины.

Коляска покатила по пустынной деревенской дороге.

Извозчик время от времени хлестал кобылок. От земли шла весенняя сырость. Правое колесо коляски отчаянно скрипело, и этот надоедливо-унылый звук разносился в утреннем замирающем воздухе.

Красавица Галина

Лошади втянули коляску на бугор. Сажень в двадцати от дороги Соколов увидал старый бревенчатый, довольно обширный дом с пристройками и клетями. Слева от дома под навесом лежал большой запас дров.

Отдельно стояло прочное, свежей постройки здание, из трубы которого валили клубы пара.

Соколов первым вошел в распахнутую калитку. Злобно рыча, от крыльца на сыщика шел громадный, грозно шеривший пасть волкодав.

Соколов поднял с земли прут, цыкнул:

– Пошел на место, дурак!

И пес, трусливо поджав хвост, убрался с дороги.

В чисто прибранном дворе под кустами еще нераспустившейся сирени стоял стол, застланный белой скатертью, изрядно сервированный. Из дома выскочили три смазливый юницы – в нарядных, цветастых поневах, в белых шелковых блузах, обтягивавших упругие, высоко торчавшие груди. Девушки как на подбор.

– Рады видеть вас, пан! Проходите до избы, отдохайте с дороги, – заговорили девушки сладкими и соблазнительными голосами.

Сычев по-хозяйски распорядился:

– Мы выпьем водочки на свежем воздухе! Тащите, красавицы, все необходимое.

Уже через минуту-другую на столе красовались тарелки, в которых лежали соленые грибы, свежие огурцы и помидоры, аппетитно блестела на солнце паюсная икра. Графины с водкой были запотелыми.

Одна из девушек – самая статная и высокая, с большими синими глазами, с толстой белокурой косой, свешивавшейся ниже ягодиц, сиявшая вызывающей красотой, на подносе поднесла Соколову большой серебряный вызолоченный кубок. Поклонилась:

– Будьте ласковы, откушайте на здоровье!

Соколов заметил, что девушка говорит на чистом русском языке без украинского акцента. Он спросил:

– Как тебя зовут?

– Галя.

– За твоё здоровье, дивчина! – Гений сыска с удовольствием опрокинул в себя кубок.

Галина тут же подала ему деревянную ложку, с верхом наполненную черной икрой. Бело-зубо улыбнулась:

– Съешьте, господин!

Господин съел.

Действие стремительно развивалось.

Щедрый жар

Сычев тоже махнул водки. Распорядился:

– Ну а теперь, по древнему обычаю, с дороги попаримся себе в удовольствие, здоровью на поправление!

Еще на подходе к бане Соколов заметил под окнами небольшую, почти с собачью конуру, дощатую пристройку. Сыщик чуть усмехнулся: «Вот оно что! С провинциальной наивностью Сычев хочет провести меня. Не выйдет!»

Баня была довольно просторной, тщательно убранной. В предбаннике в высокие широкие окна снопом било весеннее солнце. Оно ярко освещало широкую лавку для отдыха, на которой горкой высились махровые полотенца. В углу стояли в кадке со льдом бутылки кваса и пива.

Соколов внимательно пригляделся и не без труда разглядел на противоположной, солнечной стороне, как раз под окном, поблескивавшее темным пятном стекло. Сыщик не удивился, поняв, что это фотографический объектив. Он этого ожидал.

Из парильни сладко несло ароматом – березовыми распаренными вениками и хлебным духом – квасом, подброшенным на каменку.

– Разоблачайтесь, Аполлинарий Николаевич, – нагло усмехнулся Сычев и сам для примера быстро скинул одежду, обнажив широкие желтые ягодицы и поросшую рыжеватым волосом грудь.

Соколов принял игру. Он разделся, аккуратно сложил костюм, взял с собою большое полотенце и прошел в парильню.

Тут было до невыносимости жарко, на славу натоплено. Под самым потолком светился крошечный квадрат – застекленное окошко. Под окошком – кадка, заполненная кипятком, – подкидывать в печь на раскаленные камни.

Соколов поднял бровь:

– А где Ярошинский и Годлевский?

Сычев уклончиво отвечал:

– Будут, ваше благородие, обязательно будут! Но в свой час.

– Ты, Сычев, хочешь, чтобы я их в баньке, на верхнем полке допрашивал?

Тот, резко переменяв тон, дерзко отвечал:

– А это уж как вашей милости угодно будет! Впрочем, кто кого и где допрашивать станет, мы еще посмотрим. Париться не передумали?

Соколов расхохотался:

– С какой стати? И тебя попарю! Желаете? Ложись, соловей-разбойник, на верхний полк. Эх, веники хороши, густые, прилипчивые, так к телесам и льнут! Ну, как у нас в Сандунах, не хуже! – Он открыл дверцу большой, источавшей жаркое пламя печи, швырнул один за другим три больших ковша кипятка. В ответ из печки рвануло шипящее облако пара.

Сычев распластался на брюхе. Соколов широкими движениями обоих веников из-под потолка гнал на спину харьковского начальника обжигающий пар. Потом взмахнул ими и враз приложился к спине:

– Э-эх!

Сычев блаженно застонал:

– Хорошо...

– Дальше еще лучше будет! – заверил Соколов. Он продолжал гнать жар, молотил Сычева вениками и так и этак. Через несколько минут тот застонал:

– Ух, жарко! Спасибо, хватит... Жжет!

– Ну как же хватит? Не обижай меня, хозяин. Первый заход – как к барыне под юбку! – самый сладкий, дороже всех остальных. Вот тебе еще, вот еще!

– Ну будя! Сейчас помру... – Сычев сделал попытку приподняться.

Соколов сильной рукой прижал его к полку, беспощадно молотя веником по усатой морде, не давая ни дыхнуть свободно, ни выскользнуть, только листья в стороны летели. Дознаватель Петра I – Емелька Свежев, умевший снимать шкуры с живых, позавидовал бы такой работе.

Вдруг Соколов наклонился к Сычеву:

– Девки голые уже ждут в предбаннике? Аппарат кассетами заряжен? Чего мычишь, блюстителъ закона?

Хотел Сычев громко крикнуть, вышло невнятным хрипом:

– Помираю! Дышать нечем...

– Небось еще поживешь. До суда обязан выдюжить. Твои показания – важные. Сегодня ты расскажешь мне, как выбивал из торговцев двести тысяч? И кто отравил Кугельского?

Сычев ухватился за руку Соколова, простонал:

– Не знаю... Отпустите, денег дам...

Соколов вырвал руку, заверил:

– Ты, харьковский Пинкертон, прославишься на всю Россию, о тебе газеты всякий срам напишут.

Сычев уже не порывался к выходу. Он лежал распластанным, изнемогшим, тяжело дыша, выпучивая глаза.

Соколов швырнул веники на лицо полуобморочного Сычева. Затем обернул свои чресла полотенцем и, розовый, приятно разгоряченный, появился в предбаннике.

Воспитание

Тут ждало сыщика ожидаемое и замечательное зрелище. Все три девицы, сияя юной прелестью, в соблазнительных позах, голыми сидели на широкой лавке и, не скрывая восторга, радостно улыбались атлету-красавцу.

– Замечательное зрелище! – расхохотался Соколов. – Господь наградил вас, дур, такой невероятной и притягивающей красотой, а вы поганите свои божественные души дешевым развратом. Где Годлевский и Ярошинский?

Девицы простодушно отвечали:

– Они с утра тут были. Баню протопили и уехали.

– Почему уехали? – удивился сыщик.

– Им так приказал господин Сычев. Сегодня сюда не заглянут.

– А вы, стало быть, тут постоянно пребываете?

За всех отвечала Галя:

– Не, мы от мадам Гофштейн. Сюда нас, как самых красивых, господин Сычев иногда требует.

Дверь парилки медленно, со скрипом растворилась – то жаждал выползти на свет божий Сычев.

Соколов изумился:

– Куда ты, сердечный? Рано, рано собрался дышать свежим аэром. Погрейся еще, размягчи свою жестокую натуру!

Соколов подхватил Сычева под мышки, отшвырнул его обратно в парилку – на пол. Затем захлопнул дверь, припер ее поленом. Обернулся к девицам:

– Вы, дурочки, и впрямь решили, что граф Соколов будет наслаждаться вашей продажной красотой? Вы, гетеры бесстыдные, являетесь пособницами преступников, ибо хотели заманить служивого человека в ваши гнусные сети. И меня Сычев стал бы шантажировать непристойными фото. Я должен был бы арестовать вас. Но даю шанс: сейчас я начну считать, и, кто после счета «три» останется здесь, того я нынче же посажу в тюрьму. Уразумели? Раз, два...

Обнаженные девицы, сшибаясь лбами, бросились в узкую дверь. Соколов собрал их одежду и вышвырнул вслед. Затем удовлетворенно произнес:

– Ну а теперь надо воспитать еще одного приспешника злодеев!

Соколов взял кочергу, стоявшую в углу, подошел к замаскированному объективу и с силой ударил по линзе рукоятью. Раздался звон – линза разлетелась на мелкие осколки. После этого сыщик неспешно вышел из бани. Под дощатой пристройкой он увидел готового заплакать человека с большими пейсами и черной, как сажа, большой бородой. Это был Зильберштейн из «Де Ламитье».

Соколов выволок его за шиворот, заглянул в лицо:

– Где пластины?

Фотограф что-то испуганно промычал. Тогда Соколов ухватился за край дощатой пристройки, малость напрягся и отшвырнул доски в сторону. Рядом со стеной, возле камеры, аккуратной стопкой лежали кассеты с пластинами. Сыщик одну за другой засветил их. Затем взял треногу с камерой. Был соблазн: разнести ее о стену. Но в последний момент пожалел тихо всхлипывавшего фотографа – швырнул аппарат:

– Убирайся вон, паршивый!.. – и подумал: «Ну, самое время начинать допрос!»

Допрос

Сыщик вернулся вовремя.

Сычев представлял жалкое зрелище – он недвижимо лежал на полу парилки, раскинув руки, тяжело дыша открытым ртом.

Соколов принес шайку холодной воды и обдал ею Сычева, спросил:

– Еще попарить? Или готов показания давать?

Сычев выдавил:

– Ла-а... готов...

Соколов подхватил его, выволок в предбанник, налил холодного кваса. Тот жадно выпил две большие пивные кружки и, отдыхаясь, сказал:

– Виновен, понукал торговцев деньги платить, как бы за нашу службу. Потому что жалованье малое...

– Сколько требовал?

– Двести тысяч.

Соколов достал загодя припасенные листы бумаги, протянул вечное перо:

– Сиди пиши своей рукой: кто ходил требовать, когда и к кому?

Сычев заскрипел пером. Соколов накинул ему на плечи полотенце, а сам облачился в мундир. В кармане пиджака Сычева нашел револьвер, забрал его. Затем заглянул через плечо Сычева, пробежал глазами показания, строго сказал:

– Почему не указываешь, кто отравил Кугельского, кто жег лавки и кто избивал Бродского? И пиши, что взял деньги у него.

Сычев упрямо повторил:

– Деньги не брал, Кугельского отравил Бродский... Это на суде доказано.

Соколов сквозь густые усы презрительно процедил:

– Эх, говоришь, что храбрым кавалеристом был! Шалил, а ответ не умеешь давать? Трус ты, Сычев, а не кавалерист. Я ведь знаю, как ты тут делами вертел. Кугельский учил торговцев двести тысяч не платить, и ты это прознал. И стал Кугельский вам как кость в горле. Вам его убрать надо было. А тут, по пьянке, ты Бродскому расписку написал – серьезная улика против тебя. Да и боялся, что Бродский на суд подаст. Так?

Сычев сумрачно молчал.

Соколов продолжал:

– Вот ты и решил одним выстрелом двух зайцев убить: отравил Кугельского, а твой сателлит Ярошинский подложил в доме Бродского яд и часы убитого. Признаешься?

– Не-ет! – упрямо промычал Сычев, пасмурно поглядывая на Соколова. – Это еще насчет расписки доказать надо. Денег не брал, расписку не давал...

Соколов расхохотался:

– Не давал? А это что? – и, достав из кармана клочок бумаги, найденный в столе Бродского, показал Сычеву. – Твоя рука?

Тот застонал, заревел и вдруг бросился на Соколова, пытаясь вырвать страшную улику – расписку.

Соколов боковым ударом правой руки встретил эту атаку. Сычев минут тридцать не приходил в сознание. А когда обрел дар речи, с укоризной произнес:

– Ради кого стараетесь, граф? Ради жидов пархатых?

Соколов коротко и веско отвечал:

– Ради истины и справедливости! А теперь вынужден, Сергей Фролович, исполнить обещание – надеть на тебя наручники.

...В тот же день Сычев был помещен в тюрьму.

* * *

С Сычевым случилось то, что всегда бывает с людьми нахрапистыми, играющими в храбрцов, но по сути своей трусливыми и слабыми. Такие, попав на тюремные нары, начинают сразу же давать показания, рассказывают даже то, о чем могли бы промолчать.

В связи с необычностью дела из Петербурга прибыло трое опытных следователей. Сычев ничего не скрывал. Назвал он того, кто сыпал яд Кугельскому, – агента сыска Дросинского. Лавки, как выяснилось, поджигали уголовники – Годлевский, Ярошинский и другие. При этом Сычев всячески обелял себя, сваливая вину на подчиненных.

Но злодей был полностью разоблачен бывшими приятелями – помощником Шандаруком и агентом Заманским, которые с большой охотой помогали разоблачать преступления бывшего начальника.

Все пособники Сычева были арестованы.

«Хочу домой...»

Соколов еще находился в Харькове, когда к нему в гостиничный номер пожаловала... красавица Галя. Она поведала свою печальную историю:

– Я из Рязани, мы жили напротив Христорождественского собора. Мой отец, учитель каллиграфии, служил в мужской гимназии. Когда мне было тринадцать лет, он умер. У мамы на руках, кроме меня, осталась пятилетняя Соня. Мама с трудом сводила концы с концами. Нынешним февралем мне исполнилось шестнадцать лет. И тут к соседям приехала из Харькова их дальняя родственница мадам Гофштейн. Она уцепилась за меня, посулила золотые горы, дала маме аванс пятьдесят рублей и увезла меня к себе – будто бы как горничную. А на самом деле уговорила меня сожительствовать с богатым купцом. Купец вскоре перебрался в Сумы, оставив мне память – сто рублей. Теперь я была вынуждена поселиться у мадам – в позорном доме. Так я встретилась с вами...

– Ты знала, что в бане будут фотографировать?

– Да, нас и прежде фотографировали для карточек. А в нынешний раз Сычев наставлял, где сидеть, какие позы принимать. Говорил он и о том, как ласкать вас, Аполлинарий Николаевич. Я все время тяготилась своим положением. Но после истории в бане, после встречи с вами я твердо решила порвать со своим отвратительным занятием. Меня тошнит от продажной любви, от жирной и сладкой пищи, от того, что день перемешался с ночью и что я должна ложиться в постель со всяким, на кого мне укажет мадам.

– Что мешает бросить срамное занятие?

– Я скопила немного денег, но мадам не отдает их, она не желает меня отпускать. Помогите, Аполлинарий Николаевич! Я хочу домой...

Соколов решительно произнес:

– Поехали к твоей мадам!

* * *

Через полчаса оплывшая жиром Гофштейн трясущимися от жадности толстыми короткими пальцами отсчитала Галине двести семьдесят рублей. Соколов от себя подарил тысячу:
– Пошли тебе Бог счастья, Галина!
Девушка собрала вещи, Соколов отвез ее на вокзал и усадил в вагон.
Галина в последний момент не выдержала, заплакала и поцеловала графу руку:
– Вы мой ангел-спаситель!

* * *

Вернувшись в Москву, Соколов встретил Владимира Джунковского. Они приятно провели время в «Славянском базаре» на Никольской. Соколов рассказал о своих приключениях. Генерал то качал головой, то восторгался, то весело смеялся – история ему пришлась по душе.

Эпилог

Необычное для того времени дело прогремело на всю Россию.
Так, «Русские ведомости» в четверг 11 июля 1913 года на третьей полосе писали:
«Страшное преступление разоблачено в Харькове. Начальник местного сыска Сычев задумал заработать 200 тысяч на местных торговцах-евреях, обложив их данью. Комбинация, однако, не удалась. Помощник Сычева Шандарук и агент Заманский отказались от сообщничества и превратились в разоблачителей.
При сыском отделении был агент Дросинский, состоявший в тесной дружбе со знаменитостями харьковского преступного мира – Годлевским и Ярошинским. Эти преступники не только сообщали Дросинскому необходимые сведения, но и платили изрядные куши, дабы он был их покровителем и защитником.
Благодаря тонкой организации „агентурных сведений”, путем твердой спайки главных воров с агентами, сыское отделение создало новый доход для себя. За взятки от каторги избавлялись самые опасные преступники, среди них оказался даже отравитель...»
Во многих газетах с восторгом писали «о доблестном и неподкупном гении сыска графе Соколове».
Был суд, который Сычева и его сообщников приговорил к различным срокам заключения.

* * *

Государь Николай Александрович пригласил Соколова к себе в Царское Село, ласково сказал:
– Я счастлив, что на нашей земле есть такие талантливые бесстрашные сыщики! Благодарю за службу, – и преподнес бриллиантовый перстень.
Осенью 1913 года «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами» Сенатом была рассмотрена жалоба на неправильный приговор харьковскому мещанину Бродскому. Сенатским решением уголовное дело Бродского было прекращено, а он освобожден из-под стражи «в связи с отсутствием состава преступления». Бродский, не веря собственному счастью, полетел в Харьков к своей горячо любимой супруге.

Перед Рождеством в Москву пожаловала Сарра Бродская. Она отыскала Соколова и сообщила, что с мужем уезжает в Америку. Вздохнула:

– В проклятой России могут жить или дураки, или сумасшедшие, бенэмонэс!

Сарра была готова на все, чтобы отблагодарить спасителя своего мужа. Соколов довольствовался словами благодарности, а от прочего, к огорчению Сарры, уклонился.

Так закончилась наша история.

Погоня в ночи

Приглашение от государя

За последние дни граф Соколов пережил столько опасностей и приключений, сколько другому человеку хватило бы на всю жизнь.

Но судьба не утихомирилась.

Новое происшествие случилось в канун православного Рождества 1914 года. Морозным утром, когда оконные стекла покрылись толстым инеем, в квартире гения сыска графа Соколова раздался звонок.

На пороге стоял посыльный императорской канцелярии. Он протянул залитый сургучом конверт с приглашением Соколову и его супруге графине Марии Егоровне.

На плотной бумаге в треть писчего листа сыщик прочитал:

«С.-Петербург, 8 января 1914 г.

По повелению Их императорских величеств, в должности гофмаршала имеет честь известить о приглашении Вас, в четверг 23 сего января в 8.30 часов на бал и к обеденному столу в Большой зал Александрийского дворца Царского Села по случаю 100-летия Лейпцигской битвы и славной победы русского оружия.

Дамы в бальных вырезных платьях.

Кавалеры: военные в парадной, а гражданские в праздничной форме. Иметь на себе ордена.

Придворные экипажи будут выставлены к пассажирскому поезду, отходящему из С.-Петербурга в 7 час. 30 мин. пополудни.

Примечание. В случае невозможности быть на балу, просят **непрерывно** уведомить Церемониальную часть Гофмаршальского управления по Дворцовой набережной, д. № 32».

Соколов прошел в гостиную. Здесь графиня Мари вместе с горничной Анютой, умелой рукодельницей, шили распашонки для будущего младенца. Соколов улыбнулся супруге и положил перед ней приглашение:

– Мари, государь помнит о нас!

Графиня вздохнула:

– Это внимание несказанно льстит мне. Но, увы, в моем положении на балы не ходят. Так что, Аполлинарий Николаевич, это удовольствие ждет вас одного.

– Может, и мне воздержаться?

Мари решительно запротестовала:

– Мне объяснять вам, мой друг, не надо – это будет крайне неучтиво! Государь к нам хорошо относится. – Она улыбнулась своей милой улыбкой, так красившей ее прелестное личико. – Нынешнее приглашение – еще одно доказательство этого расположения, и вы обязаны быть на балу.

Соколов ждал именно такого разрешения вопроса, он согласно кивнул:

– Тем более что я обещал наследнику показать несколько фокусов, ну, разные приемы силы.

– Вот и прекрасно! – Мари отложила шитье, поднялась со стула и поцеловала мужа.

Соколов отметил: «Однако в талии за последние дни Мари значительно прибавила!»

Вслух произнес:

– Может, на эти немногие дни, что остались до моего отъезда, поживем в тиши нашей усадьбы?

Мари отрицательно покачала головой:

– Нет, не могу! Мне там все будет напоминать о несчастном Буне...

Буня – некогда знаменитый на всю Россию взломщик сейфов. Отойдя по возрасту и по разочаровании в шниферской профессии, он жил в качестве эконома и сторожа в усадьбе Соколова в Мытищах. Бывший шнифер погиб, ввязавшись в схватку с бандитами, покушавшимися на Соколова, и, возможно, спас сыщику жизнь.

– Хорошо, – Соколов удержал вздох, – будем наслаждаться жизнью в московском доме.

Предлагая укрыться в Мытищах, где не было телефонной связи с Москвой, он преследовал цель отдохнуть от службы. И хотя начальник московского охранного отделения подполковник Мартынов обещал недели на две оставить гения сыска в покое, Соколов в эти обещания давно не верил.

Предчувствия, как всегда, сыщика не обманули.

Но приключения пришли с той стороны, с какой он их не ожидал.

* * *

Началось с того, что страстный коллекционер книжных редкостей Соколов обратился к графине:

– Мари, сегодня хочу заглянуть к букинистам. Зайду к Старицыну в Леонтьевский переулок и к Ивану Фадееву, у которого лавка на Моховой.

Мари, как любая нормальная женщина, не понимала собирательской одержимости. Но человек деликатный и тонкий, она проявляла интерес к занятиям мужа. Каждый раз, когда он возвращался с книжной добычей, внимательно выслушивала его вдохновенные рассказы о находках. Вот и теперь графиня поцеловала мужа в гладко выбритую щеку и весело заметила:

– Надеюсь, Аполлинарий Николаевич, что удача вновь будет сопутствовать вам. Может, что из раритетов попадетесь?

– А и не попадетесь – беды нет. Так приятно в старых книгах порыться, полистать тома, прелесть коих уже только в том, что свет они увидели при Петре Алексеевиче или при Екатерине Великой. Меня это приводит в приятное волнение – этот том держал в руках человек, живший двести или триста лет назад. А может, к нему прикасался Брюс или сам Пушкин. Чудо, да и только!

Надев шинель, Соколов пешком – ради моциона – отправился любимым маршрутом от Красных ворот на Манежную площадь.

Если бы он знал, чем окончится эта безобидная прогулка!

Ликование ада и преступный негодяй

Каждый имеет ту судьбу, к которой стремится.

В тот день гений сыска – любитель опасностей и острых ощущений – сполна испытал правоту этой истины.

Впрочем, началось все удачно. На Моховой, 26 Соколов заглянул в неприметную снаружи лавочку. Зато внутри было настоящее пиршество духа: кожаные корешки старинных фолиантов глядели со всех сторон.

Иван Фадеев, бросив покупателей, заспешил навстречу Соколову, ласково улыбнулся, с места в карьер начал:

– Для вас, Аполлинарий Николаевич, нарочно кое-что держу. Смотрите, это два указа, собственноручно подписанные Петром Великим.

Соколов принял большого формата лист, писанный наверняка под диктовку государя указ:

«Генваря 27 дня 1723 года Его Императорское Величество, будучи в городке, что на реке Яузе, указал именным своим указом, чтоб запретить во всем государстве из сосновых, годных для строительства лесов, которые в отрубе от корени до 12 вершков, выдолбленных гробов не делать, а делать хотя и сосновые, но только из досок сшивные, а долбленные и выделанные делать гробы из еловых, березовых и ольховых лесов... *Петр*».

Сыщик произнес:

– Иван Михайлович, вещица сия редкая, я ее приобрету.

Фадеев отозвался:

– Ваше сиятельство, а вот еще один указ весьма любопытный, с собственноручной подписью государя и к тому же прекрасной сохранности...

Соколов прочитал:

«О НЕДЕЛАНИИ ДУБОВЫХ ГРОБОВ

Его Императорское Величество указал: хотя дерево луб к непотребным и ненужным делам рубить весьма запрещено, однако ж и за таким презрением еще делают гробы дубовые. Того ради из Синода во все епархии послать подтвердительные указы, дабы священники нигде никого в дубовых гробах не погребали. *Петр. Декабря 2 дня 1723*».

– Любопытно, это тоже возьму!

Фадеев продолжал:

– А уж мимо этой редкостной штучки в марокеновом переплете, тисненной на рисовой китайской бумаге, вы, Аполлинарий Николаевич, никак не пройдете.

– Этот экслибрис цветной печати с розовыми цветочками мне знаком. Книжица из библиотеки убиенного злодеями во втором году министра внутренних дел Дмитрия Сергеевича Сипягина. Мой отец в самых дружеских отношениях был с этим замечательным человеком.

Фадеев закивал крупной головой:

– Да, простой, душевный, и книжник был превосходный, царствие ему небесное! Большой любитель редкостей. Когда в Москве оказывался, всегда ко мне заживал.

Сыщик отозвался:

– За то и убили, что был хорошим. Негодяи-революционеры лучших выбирают, чтобы Россию больше ранить.

Он открыл титульный лист, прочитал: «Находка в склепе, или Похождения преступного негодяя». Вышла в Петербурге в 1771 году.

Фадеев убеждал:

– Не обессудьте, ваше сиятельство, такая превосходительная вещица, что дешевле тридцати рублей отдать просто нет возможности, право! Единственно известный экземпляр.

Соколов весело посмотрел на Фадеева:

– Мимо такой красавицы равнодушным не пройду. – Подумалось: «Господи, что-то нынче везет на погребальную тему». – А вон толстенный том, что это?

...Пробыв в лавке почти час, купив два объемистых и неподъемных тюка старинных книг и бумаг, Соколов отправил их с посыльным домой.

Роковая встреча

Сыщик пошел наискосок через площадь. Вдруг из проезжавших мимо саней раздался голос:

– Аполлинарий Николаевич!

В саженях десяти от него остановились сани.

Из саней проворно выскочил знаменитый Кошко. Перелезая через сугробы, которые дворники не успели вывезти, начальник сыскной полиции торопился к Соколову.

– Радостная встреча, Аполлинарий Николаевич! – Кошко, забыв былые неудовольствия, долго тряс ручищу сыщика. – А мы как раз решили отобедать в трактире Егорова. Надеюсь, не откажешься? Садись, место в санях нагретое.

Соколов на мгновение задумался. Он не любил менять намеченные планы. Да и на сердце шевельнулось предчувствие недоброго. Однако не хотелось огорчать товарищей по старой службе.

Соколов согласно кивнул:

– К Егорову? Давно не был у него. Поехали! Дорога близкая...

Сыщики расположились в санях. Извозчик дернул вожжи:

– Пошли, ленивые! Родимец вас прошиби!

Лошади рванули с места. Полозя весело завизжали по наезженной с утра дороге.

– Как я рад тебя видеть! – Кошко ласково глядел на Соколова. – Вся Москва судачит о твоём, Аполлинарий Николаевич, подвиге...

– Это о каком? – Соколов состроил непонимающее лицо.

– Ну, как ты в клетке сжег террористов! Молодец, я даже пил за твоё здоровье.

Соколов отмахнулся:

– Разве это подвиг? Служба – и не больше. Если бы не я, так они меня сожгли, а мне почему-то этого не хочется.

– Помнишь, когда-то приказ вышел: проверять все случаи самоубийства? Сейчас гульнем у Егорова, там мои помощники дожидаются. Пусть пообедают, а уж потом покатают на Солянку. Вовремя покормить сыщика – все равно что сироте слезу утереть – дело святое. А труп подождет, на танцы не опоздает. Обычно нам достаются преступления какие? Самые страшные – убийства, грабежи. А нынешний случай – так, пшик...

– Стало быть, к Егорову в трактир захаживаете?

– Да, почитай, каждый день.

Соколов вздохнул:

– А я за новой службой в охранке совсем дорогу к нему забыл.

Извозчик лихо натянул вожжи, и Кошко едва не вылетел на мостовую. Соколов хлопнул ручищей по загривку извозчика:

– Давно ли я на этом же месте сделал за подобные фортели твоему приятелю Антону выволочку, головой в сугроб засунул? Забыл, что начальство везешь? Другой раз швырну в Москву-реку, запомни.

– Виноват, Аполлинарий Николаевич! – И вновь погнал как полоумный.

Соколов усмехнулся: «Какой же русский не любит быстрой езды?»

Предсмертное чтение

Нам уже доводилось описывать знаменитый трактир Егорова в Охотном ряду. Теперь лишь скажем: наверху, в двух небольших чистеньких зальцах, было, как всегда, тихо, чисто, благопристойно.

За привычным столом сидели старые знакомцы Соколова. Это фотограф Юрий Ирошников – невысокий, полный, вечно жизнерадостно-язвительный человек – и простодушный крепыш, бывший боксер Григорий Павловский – судебный медик.

Последовали объятия, приветственные восклицания.

Как обычно, гостей радушно встречал сам Егоров – симпатичный старообрядец, с серыми небольшими глазками, светившимися добротой и приветом, невысокого роста, кажется из ярославцев, и целая свора шустрых лакеев.

Оркестранты, едва увидав Соколова, тут же оборвали мелодию какой-то незатейливой песенки и отчаянно ударили по струнам, заиграли увертюру к «Лоэнгрину» – Вагнер был любимым композитором гения сыска.

Кошко деловито обратился к подчиненным:

– Коллеги, после обеда отправляйтесь на Солянку. Я заглянул на место происшествия, изъясил книгу стихов, которую читала несчастная перед трагическим шагом, и опечатал ее комнату. Осмотрите труп, сделайте фото, напишите заключение и дайте дяде покойной разрешение на похороны. Других родственников у девушки в Москве нет.

Принесли горячие закуски.

Соколов, наслаждаясь лангустами в сливках, спросил:

– И какой же поэзией перед смертью утешалась несчастная?

– Да, – спохватился Кошко, – это творения твоего, Аполлинарий Николаевич, приятеля – Ивана Бунина. – Он полез в саквояж, который держал под столом, и вынул оттуда тоненький том. – Называется «Эпитафия».

Я девушкой, невестой умерла.
Он говорил, что я была прекрасна.
Но о любви я лишь мечтала страстно.
Я краткими надеждами жила... —

Вот так-то! – закончил Кошко. – Оставила открытой книгу именно на этой странице – очень трогательно. И даже подчеркнула на полях.

Соколов взял книгу и продолжил:

В апрельский день я от людей ушла.
Ушла навек покорно и безгласно —
И все ж была я в жизни не напрасно:
Я для его любви не умерла.
Здесь в тишине кладбищенской аллеи.
Где только ветер веет в полусне.
Все говорит о счастье и весне...

Павловский вздохнул:

– Э-хо-хо! Самоубийца небось юная красавица, институтка, влюбилась в богатого и женатого князя, тот поиграл, поиграл с девицей да бросил. И вот несчастная полезла в петлю...

Кошко поправил:

– Юная – это верно, а остальное все – не так, Григорий Михайлович! И вообще чепуховое дело, не стоит вашего внимания. Давайте лучше выпьем под соленый груздь. Э-эх, хорошо! Как в народе говорят, замлаживает.

Несообразность

– И все же расскажи про сегодняшнее происшествие, – сказал Соколов.

– Пусть станет по-твоему, гений сыска! Звали девушку Вера Трещалина. Весьма смазливая, скромная, лишь в прошлом году приехала из никому не ведомого глухого села Чекушкино, что в непроходимых лесах Смоленской губернии. Вера девушка малограмотная, но весьма хорошая швея. Она неплохо устроилась. У нее завелись выгодные заказчицы. Прилично зарабатывала. Появился жених по фамилии Калугин – официант из ресторана «Волга», что на Балчуге. Все шло к свадьбе, все шло удачно. Соседка видела ее уравновешенной, даже веселой. Вчера вечером, как утверждают соседи, девушка вернулась из синематографа около десяти вечера. По показаниям тех же свидетелей, утром пришел к Трещалиной печной мастер, чтобы закончить прежде начатую работу, но с диким криком выскочил из ее квартиры: «Караул, висит, висит!» Вызвали полицию. Нашли висящий труп. И рядом эта книга с подчеркнутым стихотворением.

Соколов внимательно слушал. Он с интересом спросил:

– Аркадий Францевич, из чего ты заключил, что девица малограмотна?

Кошко снова полез в портфель и вынул из него листок бумаги, исписанный каракулями.

– Это письмо родителям, – объяснил Кошко. – Трещалина начала сочинять его, но не закончила, наложила на себя руки. Взгляни, граф, и тебе станет все ясно.

– Скажи, а другие книги у покойной в жилище есть? Кошко пожал плечами:

– Других нет, но какое это имеет значение?

– А такое, что девушку убили.

Кошко засмеялся:

– Забавно получается! Я все утро занимался этим делом, соседей и родственника опросил, с женихом беседовал и пришел к твердому убеждению – это самоубийство. А наш гений сыска, сидя за аппетитным столом, закусывая водочку селедочкой, самоуверенно вынес вердикт: убийство!

Соколов спокойно ответил:

– Посуди сам: девица еще накануне усердно работала, шила. Была веселой и общительной. Собиралась замуж. И вдруг ни с того ни с сего залезла в петлю. Где логика?

Кошко терпеливо стал объяснять:

– Это бывает! В психиатрии называется «депрессивный синдром». Характеризуется общим торможением всех нервных механизмов.

Соколов насмешливо покачал головой:

– Ну-ну! Еще расскажи мне, что этот синдром встречается в начальных стадиях шизофрении и его очень трудно заметить. Вот ты, главный московский сыскарь, ответь мне: каким образом и где малограмотная девушка отыскала стихотворение «Эпитафия», которое точно указывает на действие, которое она совершит, прочитала, подчеркнула и положила на видное место?

Кошко что-то промычал, но, будучи человеком умным, а потому не очень упрямым, согласно кивнул:

– Да, в рассуждениях твоих логики больше, чем в этом самоубийстве! – Перевел взгляд на доктора Павловского: – Григорий Михайлович, осмотри труп внимательней. Если возникнут малейшие сомнения, отправь в полицейский морг к Лукичу и сделай вскрытие.

Ирошников заканючил:

– Эх, несчастная жизнь полицейского! Не успеешь кусок в рот засунуть, как тебя тут же к покойнику командируют.

– Ты, Юрий Павлович, не похудеешь, чрево у тебя обильное! – успокоил Соколов. – Ну а чтобы вам, друзья, не было скучно, мы с Аркадием Францевичем составим вам компанию. – Посмотрел с коварной улыбкой на Кошко: – Ведь так, друг дорогой? Хочется стариной тряхнуть, с друзьями-сыскарями в одном котле повариться.

Начальник сыска торопливо заверил:

– С тобой, Аполлинарий Николаевич, куда угодно! Да и честь нам – сам знаменитый Соколов почтил... Теперь в уголовной полиции разговоров хватит на неделю.

* * *

Лакеи через весь зал на серебряном подносе несли красиво оформленное блюдо.

Егоров расшаркался и торжественно провозгласил:

– Извольте откусать, господа полицейские, наше фирменное блюдо «Граф Соколов» – паровая стерлядь, фаршированная черной и красной икрой, а также крабами. Подается в приятном окружении крупных лангустов. Вкус, как всегда, самый изумительный-с!

– И водки еще прикажи подать! – сказал Кошко. – «Смирновской», тридцать первый номер.

Глас народа

Сыщики вышли на шумный Охотный ряд, заставленный палатками и магазинами торговцев. Москва жила бурной, напряженной жизнью: широко гуляла, торговала, покупала, справляла свадьбы и крестины, хоронила, громыхала трамваями, кишела множеством разнообразного люда, все время куда-то спешившего.

Сыщики забрались в полицейские сани, укутались двумя большими медвежьими шкурами, которые извозчик предупредительно уносил в кучерскую комнату трактира.

– Чтобы не простыли!

Кучер погнал пару сильных, застоявшихся лошадок через Красную площадь, затем свернул влево – на Варварку. Уже минут через десять сыщики подкатили к трехэтажному дому на углу Солянки и Подкопаевского переулка, напротив церкви Рождества.

Возле подъезда стояло несколько человек – старушки в темных платочках, высокий старик в темных очках и заячьем треухе, молодая толстая баба, перевязанная крест-накрест платком, и среднего роста мастеровой в короткой железнодорожной шинели, каракулевой шапке с кокардой.

Последний и оказался дядей покойной.

При виде полицейского начальства железнодорожник сдернул шапку, упер взгляд себе под ноги и, не обращая ни к кому конкретно, быстро и невнятно заговорил:

– Господа полицейские, вы покойную не вскрывайте. Мы – старообрядцы, у нас не положено по религии.

Толстая баба крикнула:

– Вы следствию наведите! Верке чего вешаться, грех страшный на душу брать? Жила в свое удовольствие – и деньги водились, и любовник захаживал... Разберитесь, а то на девушку всякий посягнуть может.

Дядя-железнодорожник махнул рукой:

– Да не слушайте ее, так мелет разное, язык без костей!

– А вы, сердечные, никак знали покойную? – спросил Соколов, обращаясь к любопытным.

– Как бы не знали, тут не мерзли. Вот переживаем.

– Хорошей была покойница?

Соседи враз затараторили:

– Уж такая славная, лучше не бывает! Всегда первой поздороваается, расспросит про житье-бытье. Добрая девушка была. И жених ее, Калугин, как бы с горя руки на себя не наложил. Говорит: «Утоплюсь в проруби, потому как любил самозабвенно!» Вы, ваши благородия, вникните.

– Вникнем! – заверил Кошко. – Пройдем, Аполлинарий Николаевич... – И, уже войдя в подъезд – негромко, лишь Соколову: – Мне дядя убитой не нравится, подозрителен...

Последний гость

Жилище швеи состояло из прихожей, кухоньки с изразцовой печью и единственной жилой комнаты в пятнадцать метров. В комнате стояли комод, стол, застланный довольно чистой скатертью, и кровать с металлическими шишечками. Везде царил порядок, все стояло на своих местах.

Девушка, задрав подбородок, висела на толстой бельевой веревке, привязанной к спинке кровати, и вытянув вдоль пола ноги в теплых чулках. На покойной была надета новая юбка, которая аккуратно прикрывала до щиколоток ноги. На бледных щеках отчетливо проступили обильные следы румян, которые столь любят девушки, лишь недавно перебравшиеся из деревни в город.

– Положение тела полувисячее, – отметил доктор Павловский. – Одежда целая, не поврежденная.

– И юбка в таком совершенном порядке, словно девушка боялась показать голые колени или неаккуратность, – отметил Соколов.

– Девицы, прежде чем покончить с собой, нередко думают о том эффекте, который будет производить их труп, – нравоучительным тоном произнес Кошко. – Известно немало случаев, когда девушка, прежде чем покончить с собой, делала изящную прическу, надевала лучшее нижнее белье и верхнее платье.

Соколов возразил:

– Но девушке, испытывающей дикую боль во время повешения, изрядно длящуюся при таком способе повешения, как этот – полувисячий, невозможно сохранить порядок в одежде. И уж во всяком случае, не станет мазаться румянами. Если хочешь хорошо выглядеть, проще не лезть в петлю.

Кошко недовольным тоном бросил:

– Жизнь многообразна, и неразумно различные ее проявления втискивать в жесткие рамки.

Соколов заглянул под стол:

– А вот пустая бутылка «Нежинской рябины».

Тем временем открылась наружная дверь и шаром вкатился румяный с мороза Ирошников, который ездил в сыск за фотоаппаратом. Он стал протирать запотевший объектив, прилаживать треногу.

– Гений экспозиции, проявителя и закрепителя прибыл! – приветствовал его Соколов. И обратился к начальнику сыска: – Хочешь пари: прежде чем повесить Трещалину, ее убили? И убийцей никак не мог быть ее дядя.

– Почему?

– Да потому, что старообрядцы алкоголь не употребляют, а этот железнодорожник, судя по всему, рьяный ревнитель старины.

Ирошников щелкнул затвором камеры, на мгновение всех ослепив вспышкой магния. Вынимая пластинку, сказал:

– Тогда необходимо ответить на вопрос: кто последним заходил к девушке?

Кошко ответил:

– Я опросил соседей, дядю и жениха-официанта. Соседи дружно показали: «Вечером Трещалина вернулась к себе около десяти часов, была в добром расположении духа». Дворник Мартиросов свидетельствует: «Я встретился с Верой у ворот. Она была веселой, сказала, что ходила в кино, смотрела фильму про Соньку Золотую Ручку. После этого свет в ее окне был часов до двенадцати».

Соколов сказал:

– Все это подтверждает мысль: где-то ходит убийца и посмеивается над нами.

Кошко задумчиво почесал подбородок:

– Да-с, тут есть повод для размышления! – Он с нетерпением поглядел на Ирошникова: – Юрий Павлович, ты скоро закончишь фотографировать?

Ирошников весело отвечал:

– Для грозного начальника рад стараться! Все, последний снимок сделан.

– Вот бутылка и стаканы – снимешь с них отпечатки пальцев, но прежде помоги Павловскому положить труп на кровать. И выньте девицу из петли.

Павловский перерезал веревку, не тронув узла.

(Читатель моих книг знает: по характеру петли, ее вязки порой можно определить убийцу. Вот как наставляли пособия криминалистики: «Весьма важно осмотреть узлы и определить их форму, так как люди известных профессий привыкают делать узлы, свойственные их занятиям. Так, моряки делают морской узел – со скользящей петлей, ткачи тот узел, что употребляется при разрыве нитки, рыбаки – как на сетях, цыгане – так называемый *заворотень* и пр. Петля вместе с трупом обычно отправляется в морг».)

Загадка

Девушку положили на кровать, обнажили тело. Кошко сказал:

– Юрий Павлович, садись за стол и пиши протокол! Павловский внимательно осмотрел труп.

Кошко задумчиво покрутил головой, обратился к медику, тоном подражая Соколову:

– Ну, великий эксперт Павловский, что обнаружил? Тот начал диктовать:

– Смерть наступила в результате обтурационной асфиксии. Судя по состоянию трупных пятен, температуре тела и окоченению, девушка скончалась двенадцать— четырнадцать часов назад, то есть в полночь. На коже возле странгуляционной борозды заметны с левой стороны шеи множественные повреждения в виде полулунных и продольных ссадин. На руках есть несколько слабо выраженных ссадин и синяков – следы борьбы. Уверен, прав Аполлинарий Николаевич, – это убийство.

– Да-с! – Начальник сыска, заложив руки за спину, прошелся из угла в угол. – Нежданный поворот дела. – Пожал руку Соколову. – Признаюсь, я готов был выдать разрешение на похороны. Видно, сама судьба свела сегодня нас вместе...

– Дабы отыскать и наказать виновного! – закончил с улыбкой Соколов. – Но это заслуга не моя. Изошренность убийцы и любовь к изящной словесности выдали его с головой. Повреждения на шее говорят: прежде чем засунуть девушку в петлю, преступник душил ее руками.

– Но кому понадобилась смерть этого юного существа?

– Кому-то понадобилась! И вряд ли с целью ограбления: те крохи, что скопила девушка, не тронули – несколько жалких рублей ты сам обнаружил в комодке среди белья.

– Может, ради получения страховки?

– Это надо выяснять. Но страховочного полиса ты, Аркадий Францевич, не обнаружил. Стало быть, корыстные мотивы можно исключить.

Кошко вновь начал расхаживать из угла в угол. Он задумчиво произнес:

– И все же, может, убийца – дядя-железнодорожник? Ведь он вчера вечером посетил убитую? Пожалуй, его следует арестовать.

Соколов вопросительно поднял бровь:

– Мотивы преступления?

– Вот он сам их и расскажет.

Павловский, отличавшийся дотошностью в деле, за что был уважаем начальством, добавил:

– От девушки исходит легкий запах алкоголя. Видимо, перед смертью пила вино.

– «Нежинскую рябину», – уточнил Соколов. – Но есть одна персона, которая достойна нашего всяческого внимания, – лакей ресторана «Волга» Калугин. Если он от горя еще не утопился в проруби, надо встретиться с ним и задать несколько вопросов. И главный: чем он занимался сегодня в полночь?

Кошко согласно кивнул:

– Да, теперь же едем! Полагаю, что ты, Аполлинарий Николаевич, нас не бросишь в трудную минуту?

– Не брошу, мне это дело интересно.

– Григорий Михайлович, отправляйся в морг к Лукичу – отвези труп, а мы с Аполлинарием Николаевичем – в «Волгу».

– Меня возьмите с собой, – попросил Ирошников. – Давно ведь обещали взять на дело. Я вам помехой не буду.

– Мне больше нравится, когда каждый занимается своим делом, – заметил Соколов.

В пику ему Кошко возразил:

– А почему бы Юрию Павловичу с нами не поехать на задержание? Стрельбы, полагаю, не будет.

Ирошников бойко отвечал:

– А хоть и будет, я не шибко боюсь. Мне даже нравится запах пороха.

– Ишь, наш фотограф страсть какой отчаянный, – произнес Кошко. – Поехали!

Печальный груз

Соколов, заметив на противоположной стороне повозку, по-разбойничьи свистнул:

– Сюда!

Подкатили грузовые сани, запряженные битюгом. В сани погрузили завернутый в простыню труп девушки.

Кошко приказал возчику:

– Знаешь полицейский морг на Скобелевской площади? Доставишь груз туда в целости и сохранности, номер девятьсот семьдесят один. Сдашь в юдоль печали и вздыханий под расписку. Завтра утром расписку привезешь в сыск в Большом Гнездниковском.

Возчик, недовольный бесплатной и неприятной работой, сердито хлопнул вожжами:

– Доставлю, не простужу! – и погнал в морг, что размещался напротив памятника генералу Скобелеву.

(В советское время он был снесен, а позже на этом месте был воздвигнут памятник Юрию Долгорукому.)

Павловский примостился на облучок рядом с кучером.

Остальные завернулись в какой-то истертый мех. Путь лежал через мост в Замоскворечье.

Вскоре полицейское начальство подкатило к «Волге».

Кошко, желая быть остроумным не меньше Соколова, предложил:

– Давайте откушаем! После обеда мы успели проголодаться. Сядем за столик, выясним, какого лакея, или по нынешней моде – официанта, зовут Калугиным, присмотримся к нему, к поведению, побеседуем с его товарищами по службе, а потом возьмем подозреваемого под белы ручки и – в Гнездиновский.

– Прекрасная идея, Аркадий Францевич, – поддержал фотограф.
Вскоре жизнь показала, что решение это было едва ли не пагубным.

«Отворите мне темницу...»

Ресторан «Волга» множеством зеркал в вестибюле и залах, статуями нимф и неприличных сатиров претендовал на респектабельность. И если второй, чистый этаж по неведомой причине понравился офицерам, которые сюда приходили компаниями, а также со своими или чужими женами, то нижний этаж стал местом встреч темных личностей и нетрезвых загулов. Здание выкупило Общество официантов, и большая часть доходов шла этой организации.

Около входа мерзли на легких саночках лихачи. На лошадей были наброшены попоны, морды покрылись изморозью. Каждый надеялся на фартового седока из загулявших офицеров или купцов, которые станут швырять деньгами.

Сыщики для начала зашли на «черную» половину – по узкой лестнице на высокий цокольный этаж. В зале царил полумрак – от плохого освещения. Здесь гуляли мелкие жулики, мошенники и аферисты. В зале пахло подгорелой пищей и дымом. И происходило это по той причине, что прямо за стенкой помещалась кухня с громадной плитой, откуда чад и разнообразные по гамме миазмы вползали в зал для гостей.

Десятки людей обоего пола сидели за столами, сдвигали рюмки, выкрикивали тосты, обнимались, лобызались, жевали, спорили, кричали. Все было пьяным-пьяно, все гудело и наслаждалось загулом. Лакеи носились с подносами, нагруженными тарелками, бутылками, графинами, с непостижимой ловкостью балансируя ими на одной руке.

На небольшую низкую эстраду вышел в засаленном фраке распорядитель. Пытаясь перекричать зал, выпалил:

– Знаменитый на весь мир русский самородок Василий Пафнутьевич Охлобыстин!

Ступая тяжелым нетрезвым шагом, из-за ширмы показался с громадной гармонью заросший жестким волосом мужик саженого роста, с прядями сальных волос, падавших на плечи, и с лицом цвета меди. На гармонисте была красной саржи косоворотка, расшитая цветами по высокому вороту, подпоясанная желтым жгутом с махрами на концах, ярко начищенные сапоги с высокими голенищами.

Музыкант пододвинул к самому краю эстрады стул, на который была наброшена бархатная тряпка, грузно на него опустился, перекинул ногу на ногу и уложил на поднятое колено гармонию.

В этот момент гудевший непрерывно, словно улей, зал чуть затих. Вперив выпуклые оловянные глаза куда-то в пол, гармонист замер, словно глубоко задумался. И вдруг рванул мехи, ловкими и гибкими пальцами перебирая по ладам, грозным голосом затянул:

Отворите мне темницу.
Дайте мне сиянье дня.
Черноокою девицу.
Черногривого коня.

Уже с конца куплета зал начал подпевать знакомые слова, сначала робко, отдельными голосами, потом расходясь все более, все громче и смелее. И вот уже громадный нетрезвый хор тянул нечто незамысловатое:

Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую.
На коня потом вскачу.
Ветром буйным полечу.

Под песню, видать, пилось лучше.

К гостям вразвалку подошел лакей с уныло-длинным носом и глубоким шрамом через левую щеку, откровенно нетрезвый, лениво спросил:

– Чего желаете?

– Сесть бы нам, – сказал Ирошников.

Лакей нагло усмехнулся:

– Сажают не тут – в суде, а у нас отдыхают.

И вдруг, ломая намеченный сыщиками план, Ирошников брякнул:

– Скажи-ка, любезный, а какие столики обслуживает Калугин?

Лакей подозрительно уставился на троицу и словно враз протрезвел. Он понял, что перед ним стоят не забуддыги, к которым тут привыкли, а люди совсем другого разбора. С приторной ласковостью произнес:

– Официант Калугин на втором этаже, а я могу вас пригласить во-от за этот столик, а скатерку враз поменяем-с... Можно и к окну, но оттудова дует, как из погребца.

– Не хлопочи, – произнес Соколов. Обратился к своим: – Пошли на второй этаж. – И на ухо Ирошникову: – Язык бы тебе отрезать!

Лакей полетел по направлению к кухне, а сыщики направились на второй этаж.

Чудеса силы

Пока сыщики возвращались к вестибюлю, а оттуда по мраморной лестнице, застеленной красной истертой ковровой дорожкой, поднялись наверх, лакей взлетел по винтовой служебной лестнице на второй этаж. Он опередил сыщиков, и, когда те вошли в довольно чистый и хорошо освещенный зал, лакей что-то торопливо говорил мордатому, с короткими усиками лакею, стоявшему с пустым подносом. Долговязый внимательно слушал собеседника и все время тревожно оглядывался на вход.

Едва он заметил сыщиков, как оставил своего товарища и быстро скрылся за дверями, которые вели в служебное помещение.

Кошко удержал за рукав Соколова:

– Не надо спешить, подождем Калугина в зале и тогда пригласим на допрос...

Соколов быстро проговорил:

– А если он скроется через черную лестницу? Боюсь, ждать разбойника придется до второго пришествия.

– Не думаю.

– А я – думаю! – И гений сыска ринулся вслед за скрывшимся Калугиным.

На пути стоял длинноносый лакей, растянувший узкие губы в нахальной улыбке. Соколов схватил его за грудки:

– Что, подлец, успел шепнуть?

Длинноносый попытался оттолкнуть сыщика. Соколов оторвал его от пола, перевернул в воздухе и швырнул вниз головой. Лакей глухо стукнулся головой о каменный пол и беспомощно распластался на полу.

Соколов перепрыгнул через полумертвого лакея и понесся вперед.

Погоня

В узком служебном проходе крепко пахло приготовляемой пищей, возле раздаточной толклись официанты. Одни направлялись в мойку с грязной посудой, другие шли в зал с нагруженными подносами, третьи стояли у раздаточной и загружались тарелками.

Соколов громко произнес:

– Где Калугин?

В ответ – общее молчание. Лишь за широким барьером – видимо, повар – человек невысокого роста, толстый, с белым колпаком на румянном лице весело улыбнулся:

– Как угорелый понесся в мясной цех. Али что набедокурил?

Соколов стремительно метнулся вперед, пронесся мимо холодного цеха, овощного и моечного отделений и толкнулся в дверь, указанную человеком в колпаке. Дверь была закрыта. Сыщик долбанул кулаком:

– Открой, Калугин! Иначе худо будет!

За спиной сыщика тут же собралась лакеи, оставившие подносы и теперь с крайним любопытством наблюдавшие за сценой, обещавшей перерасти в батальную.

Румяный повар, успевший покинуть свой пост за барьером, вновь широко улыбнулся:

– Дверь прочная, изнутри задвижка, Калугин не откроет!

Соколов вытащил из кобуры свой полицейский «дрейзе», постучал рукояткой по металлической обивке дверей:

– Последний раз говорю: открой!

За дверями раздался истерический визг:

– Не входи, зарублю!

Повар громко подтвердил:

– Это точно – зарубит! Калугин трезвый тихий, а когда выпивши – пятеро не удержат.

Соколов внимательней поглядел на дверь. Она открывалась внутрь. Сыщик решил: «И не такие вышибал, а уж эту с Божьей помощью непременно выставлю!»

Он отошел шага на три назад, разогнулся и подошвой громадного размера штиблета стукнул дверь. Со страшным треском вместе с коробкой она грохнулась на пол, поднялся столб пыли.

Соколов для острастки пальнул вверх из револьвера:

– Сдавайся! – и шагнул внутрь.

И в тот же момент на него с поднятым топором, которым обычно разделяют туши, бросился Калугин. Ротозеи застыли, лишь дружно испутив возглас ужаса. Мгновение – и широкое, остро отточенное лезвие топора опустится на голову графа.

Но Соколов был готов к такому повороту событий. Он метнулся на нападавшего, и тот полетел на пол. Топор упал рядом. Соколов отбросил его ногой. Калугин воспользовался мгновенной паузой, подскочил к раскрытому, видимо загодя, окну и рыбкой вылетел в него.

Соколов выглянул наружу. Калугин торопливо улепетывал прочь. Сыщик подумал: «Если подстрелю, Кошко обидится!» Он пальнул в небо.

– Стой, паразит!

Но лакей ресторана «Волга» уже скрылся за углом. В это время сыщик услышал за спиной взволнованный голос Кошко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.